PG 3420
.P85
1874

I. Turgenev

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

ПУНИНЪ и БАБУРИНЪ

Разсказъ Петра Петровича Б.

...Я теперь и старъ, и боленъ — и чаще всего размышляю о смерти, съ каждымъ днемъ болѣе близкой; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь иногда — зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ; лѣтомъ, расхаживая тихимъ шагомъ по тѣнистой аллеѣ — припоминаю я минувшіе годы, событія, лица; но не на зрѣлой порѣ моей жизни и не на молодости останавливаются тогда мои мысли. Онѣ переносятъ меня либо въ раннее дѣтство, либо въ первое отроческое время. Вотъ и теперь: я вижу себя въ деревнѣ у моей строгой и гнѣвной бабушки—мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ—и возникаютъ въ моемъ воображеніи два существа...

Но стану разсказывать по порядку и въ связи.

I.

[1830]

Старый лакей Филиппычъ вошелъ, по обыкновенью, на цыпочкахъ, съ повязаннымъ въ видѣ розетки галстухомъ, съ крѣпко стиснутыми—«чтобы не отдавало духомъ» — губами, съ сѣденькимъ хохолкомъ на самой серединѣ лба; вошелъ, поклонился и подалъ на желѣзномъ подносѣ моей бабушкѣ большое письмо съ гербовой печатью. Бабушка надѣла очки, прочла письмо...

PG3420
.P85
1874

— Самъ онъ тутъ? спросила она.

— Чего изволите? робко проговорилъ Филиппычъ.

— Безтолковый! Тотъ, кто привёзъ письмо—тутъ?

— Тутот-ка, тутот-ка... Въ конторѣ сидитъ.

Бабушка погремѣла своими янтарными чётками...—Вели ему явиться... А ты, сударь, обратилась она ко мнѣ — сиди смирно.

Я и такъ не шевелился въ своемъ уголку, на присвоенномъ мнѣ табуретѣ.

Бабушка держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ!

Минутъ пять спустя вошелъ въ комнату человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, черноволосый, смуглый, съ широкоскулымъ рябымъ лицомъ, крючковатымъ носомъ и густыми бровями, изъподъ которыхъ спокойно и печально выглядывали небольшіе сѣрые глаза. Цвѣтъ этихъ глазъ и выраженіе ихъ не соотвѣтствовали восточному складу остального лица. Одѣтъ былъ вошедшій человѣкъ въ степенный, долгополый сюртукъ. Онъ остановился у самой двери и поклонился—одной головою.

— Твоя фамилія Бабуринъ? спросила бабушка и тутъ же прибавила про себя: «Il a l'air d'un arménien».

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки: «твоя» — брови его слегка дрогнули. Ужъ не ожидалъ ли онъ, что она будетъ его «выкать», говорить ему: вы?

— Ты русскій? православный?

— Точно такъ-съ.

Бабушка сняла очки, и окинула Бабурина медлительнымъ взоромъ съ головы до ногъ. Онъ не опустилъ глазъ и только руки за спину заложилъ. Собственно меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но такихъ синихъ щекъ и подбородка я отроду не видывалъ!

— Яковъ Петровичъ, началà бабушка, въ письмѣ своемъ очень тебя рекомендуетъ, какъ человѣка «тверёзаго» и трудолюбиваго; однако отчего же ты отъ него отошелъ?

— Имъ, сударыня, въ ихъ хозяйствѣ другого качества люди нужны.

— Другого... качества? Этого я что-то не понимаю.—Бабушка снова погремѣла чётками. — Яковъ Петровичъ мнѣ пишетъ, что за тобою двѣ странности водятся. Какія такія странности?

Бабуринъ легонько пожалъ плечами.

— Не могу знать, что́ имъ угодно было назвать странностями. Развѣ вотъ, что я... тѣлеснаго наказанія не допускаю.

Бабушка удивилась.—Неужто-жъ Яковъ Петровичъ тебя наказывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я имѣю правиломъ не употреблять тѣлеснаго наказанія... надъ крестьянами.

Бабушка удивилась больше прежняго, даже руки приподняла.

— А! промолвила она наконецъ, и нагнувши голову нѣсколько на бокъ, еще разъ пристально осмотрѣла Бабурина.—Это твое правило? Ну, это мнѣ совершенно все равно; я тебя не въ прикащики прочу, а въ конторщики, въ писцы. Почеркъ у тебя каковъ?

— Пишу я хорошо-съ, безъ ошибокъ ороографическихъ.

— И это мнѣ все равно. Мнѣ—главное, чтобы чётко было, да безъ этихъ прописныхъ новыхъ буквъ съ хвостами, которыхъ я не люблю. А какая твоя другая странность?

Бабуринъ помялся на мѣстѣ, кашлянулъ...

— Быть можетъ... господинъ помѣщикъ изволитъ намекать на то, что я не одинъ.

— Ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... но...

Бабушка нахмурилась.

— Со мной живетъ одно лицо... мужескаго пола... товарищъ, убогій человѣкъ, съ которымъ я не разстаюсь... вотъ уже, почитай, десятый годъ.

— Онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ-съ, не родственникъ — товарищъ. Неудобствъ отъ него никакихъ по хозяйству произойти не можетъ, поспѣшилъ прибавить Бабуринъ, какъ-бы предупреждая возраженія.—Живетъ онъ на моихъ харчахъ, помѣщается въ одной со мной комнатѣ; скорѣй пользу онъ должо́нъ принесть, такъ какъ грамотѣ онъ обученъ, безъ лести сказать, въ совершенствѣ, и нравственность имѣетъ примѣрную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожёвывая губа́ми и щурясь.

— Онъ на твоемъ иждивеніи живетъ?

— На моемъ-съ.

— Ты его изъ милости содержишь?

— По справедливости... такъ какъ бѣднаго человѣка обязанность есть—помогать другому бѣдному.

— Вотъ какъ! Впервое слышу. Я до сихъ поръ полагала, что это скорѣй обязанность богатыхъ людей.

— Для богатыхъ, осмѣлюсь доложить, это занятіе... а для нашего брата...

— Ну довольно, довольно, хорошо, перебила бабушка и, подумавъ немного, промолвила въ носъ, что́ всегда было дурнымъ знакомъ:—А какихъ онъ лѣтъ, твой нахлѣбникъ?

— Моихъ лѣтъ-съ.

— Твоихъ? — Я полагала, онъ твой воспитанникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; онъ мой товарищъ — и притомъ...

— Довольно, вторично перебила бабушка. Ты, значитъ, филантропъ. Яковъ Петровичъ правъ: въ твоемъ званіи—это странность большая. А теперь поговоримъ-ка о дѣлѣ. Я тебѣ растолкую, какія будутъ твои занятія. Да вотъ еще на счетъ жалованья...—Que faites vous ici? прибавила вдругъ бабушка, обративъ ко мнѣ свое сухое и желтое лицо.—Allez étudier votre devoir de mythologie.

Я вскочилъ, подошелъ къ бабушкиной ручкѣ и отправился, — не изучать миѳологію, а просто въ садъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ, и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, проросшіе снизу верескомъ и зорей. Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада—и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣстныя,—такъ по крайней мѣрѣ я воображалъ!—только мнѣ одному. Вышедши изъ бабушкинаго кабинета, я прямо отправился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною «Швейцаріей.» Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до «Швейцаріи», я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидалъ, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная-длинная фигура, въ желтомъ фризовомъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбленномъ мною мѣстечкѣ! Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное,

мягкое, безбородое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручокъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губки, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленные дружка противъ дружки на вышинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ-бы прислушиваясь. Я пододвинулся еще поближе, вглядѣлся еще внимательнѣе... Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнятъ и заставляютъ пѣть канареекъ. Сукъ хрустнулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпые глазёнки въ чащу и попятился-было... да наткнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте, промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!

Мнѣ не понравилось, что онъ меня назвалъ барчукомъ. Что за фамильярность!

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ я строго.

— А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться. —Птичекъ на пѣніе вызываю.—Онъ показалъ мнѣ свои чашечки. —Зяблики отлично отвѣтствуютъ! Васъ, по младости вашихъ лѣтъ, пѣніе пернатыхъ должно услащать безпремѣнно! Извольте прислушать: я стану щебетать—а они за мною сейчасъ—какъ пріятно!

Онъ началъ тереть свои чашечки. Точно, зябликъ отозвался на ближней рябинѣ. Незнакомецъ засмѣялся беззвучно и подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Смѣхъ этотъ и это подмигиваніе—каждое движеніе незнакомца, его шепелявый, слабый голосъ, выгнутыя колѣни, худощавыя руки, самый его картузъ, его длинный балахонъ—все въ немъ дышало добродушіемъ, чѣмъ-то невиннымъ и забавнымъ.

— Вы давно сюда пріѣхали? спросилъ я.

— А сегодня.

— Да вы не тотъ ли, о которомъ...

— Господинъ Бабуринъ съ барыней говорилъ? Тотъ самый, тотъ самый.

— Вашего товарища Бабуринымъ зовутъ, а васъ?

— А меня—Пунинымъ. Пунинъ моя фамилія; Пунинъ. Онъ Бабуринъ, а я Пунинъ. — Онъ опять зажужжалъ чашечками.— Слышите, слышите зяблика... Какъ заливается!

Мнѣ этотъ чудакъ вдругъ «ужасно» полюбился. Какъ почти

всѣ мальчики, я съ чужими либо робѣлъ, либо важничалъ, а съ этимъ я словно вѣкъ былъ знакóмъ.

— Пойдемте со мною, сказалъ я ему; я знаю мѣстечко еще лучше этого; тамъ есть скамейка: мы сѣсть можемъ, и плотина оттуда видна.

— Извольте, пойдемте, отвѣчалъ на-распѣвъ мой новый пріятель. Я пропустилъ его впередъ. На ходу онъ переваливался, шмыгалъ ногами и затылокъ назадъ закидывалъ.

Я замѣтилъ, что у него сзади на балахонѣ, подъ воротникомъ, болталась небольшая кисточка.—Что это у васъ такое виситъ? спросилъ я.

— Гдѣ? переспросилъ онъ, и пощупалъ воротникъ рукою.

— А! Эта кисточка? Пущай ее! Значитъ, для красы пришита. Не мѣшаетъ.

Я привелъ его къ скамейкѣ, сѣлъ; онъ помѣстился рядомъ.—Здѣсь хорошо! промолвилъ онъ и вздохнулъ глубоко, глубоко.— Охъ, хорошохонько! Отличнѣйшій у васъ садъ! Охъ, охъ-хо!

Я посмотрѣлъ на него сбоку.—Какой у васъ картузъ! невольно воскликнулъ я. Покажите-ка!

— Извольте, барчукъ, извольте.—Онъ снялъ картузъ; я протянулъ-было руку, но поднялъ глаза и—такъ и прыснулъ. Пунинъ былъ совершенно лысъ; ни одного волосика не виднѣлось на заостренномъ его черепѣ, покрытомъ гладкой и бѣлой кожей.

Онъ провелъ по немъ ладонью и засмѣялся тоже. Когда онъ смѣялся, онъ словно захлебывался, раскрывалъ широко ротъ, закрывалъ глаза—а по лбу пробѣгали морщины снизу вверхъ, въ три ряда, какъ волны.—Что? сказалъ онъ наконецъ. Не правда ли, настоящее яйцо?

— Настоящее, настоящее яйцо! подхватилъ я съ восторгомъ.— И давно вы такіе?

— Давно; а какіе были волосы!—Золотое руно, подобное тому, за которымъ аргонавты переплывали морскія пучины.

Хотя мнѣ всего было двѣнадцать лѣтъ, однако я, по милости моихъ миѳологическихъ занятій, зналъ, кто были аргонавты; тѣмъ болѣе удивился я, услышавъ это слово въ устахъ человѣка, одѣтаго чуть не въ рубище.

— Вы, стало быть, учились миѳологіи? спросилъ я, переворачивая въ рукахъ картузъ, который оказался на ватѣ, съ мѣховымъ облѣзлымъ околышкомъ и картоннымъ, надломаннымъ козырькомъ.

— Изучалъ и этотъ предметъ, барчучёночекъ мой миленькій;

въ жизни моей всего было достаточно! А теперь возвратите-тка мнѣ покрышку, ею же защищается нагота главы моея.

Онъ нахлобучилъ картузъ, и перекосивъ свои бѣловатыя брови, спросилъ меня: кто я собственно такой и кто мои родители?

— Я внукъ здѣшней помѣщицы, отвѣчалъ я. Я у ней одинъ. Папа и мама умерли.

Пунинъ перекрестился.—Царство имъ небесное! Значитъ: сирота; ну и наслѣдникъ. Дворянская-то кровь сей часъ видна; такъ въ глазенкахъ и бѣгаетъ, такъ и играетъ... ж.. ж.. ж. ж... Онъ представилъ пальцами, какъ играетъ кровь.—Ну — а не знаете ли, ваше благородіе, поладилъ ли мой товарищъ съ бабенькой вашей, получилъ ли мѣсто, которое ему обѣщали?

— Этого я не знаю.

Пунинъ крякнулъ.—Эхъ! кабы здѣсь пристроиться! хотя бы на время! А то странствуешь, странствуешь, пріюта не обрѣтается, тревоги житейскія не прекращаются, душа сомущается...

— Скажите, перебилъ я его, вы—изъ духовнаго званія? Пунинъ обернулся ко мнѣ и прищурился.—А какая сему вопросу причина, отроче мой любезный?

— Да вы такъ говорите—вотъ какъ въ церкви читаютъ.

— Что славянскія-то рѣченія я употребляю? Но это не должно васъ удивлять. Положимъ, въ обыкновенной бесѣдѣ подобныя рѣченья не всегда умѣстны; но какъ только воспаришь духомъ—такъ сейчасъ и слогъ является возвышѣнный. Неужто же вашъ учитель—преподаватель словесности россійской—вѣдь вамъ её преподаютъ? неужто же онъ вамъ этого не объясняетъ?

— Нѣтъ, не объясняетъ, отвѣтилъ я. Когда мы въ деревнѣ живемъ—у меня и учителя нѣтъ. Въ Москвѣ у меня много учителей.

— А долго ли вы въ деревнѣ проживать изволите?

— Мѣсяца два, не больше; бабушка говоритъ, что я въ деревнѣ балуюсь. Гувернантка со мной есть и тутъ.

— Француженка?

— Француженка.

Пунинъ почесалъ у себя за ухомъ.—Сирѣчь, мамзель?

— Да; ее зовутъ мадмуазель Фрикэ.—Мнѣ вдругъ показалось постыднымъ, что у меня, двѣнадцатилѣтняго мальчика, не гувернеръ, а гувернантка, точно у дѣвочки!—Да я ея не слушаюсь, прибавилъ я съ пренебреженіемъ. — Мнѣ что!

Пунинъ покачалъ головою.—Охъ, дворянчики, дворянчики! полюбились вамъ иностранчики! Отъ россійскаго вы отклонилися, — на чужое преклонилися, къ иноземцамъ обратилися...

— Что это? Вы стихами говорите? спросилъ я.

— А вы какъ полагаете? Я могу завсегда, сколько угодно; потому, сіе мнѣ природно...

Но въ это самое мгновеніе раздался въ саду за нами сильный и рѣзкій свистъ. Собесѣдникъ мой проворно поднялся съ лавки.—Простите, барчукъ; это товарищъ меня зоветъ, ищетъ меня... Что-то онъ мнѣ скажетъ? простите, не взыщите...

Онъ юркнулъ въ кусты и исчезъ; а я посидѣлъ еще на скамейкѣ. Я чувствовалъ недоумѣнье и какое-то другое, довольно пріятное чувство... я никогда еще не встрѣчался и не говорилъ съ такимъ человѣкомъ. Понемногу я размечтался... но вспомнилъ миѳологію—и побрёлъ домой.

Дома я узналъ, что бабушка сошлась съ Бабуринымъ: ему отвели небольшую комнатку въ людской избѣ, на конномъ дворѣ. Онъ тотчасъ поселился въ ней съ своимъ товарищемъ.

На другое утро я, напившись чаю и не отпросившись у мадмуазель Фрикэ, отправился въ людскую избу. Мнѣ хотѣлось опять поболтать со вчерашнимъ чудакомъ. Не постучавшись въ дверь—этого обычая у насъ и въ заводѣ не было—я прямо вошелъ въ комнату. Я засталъ въ ней не того, кого я искалъ, не Пунина, а покровителя его—филантропа Бабурина. Онъ стоялъ передъ окномъ, безъ верхней одежды, широко растопыривъ ноги, и тщательно вытиралъ себѣ голову и шею длиннымъ полотенцемъ.

— Вамъ что угодно? промолвилъ онъ, не опуская рукъ и насупивъ брови.

— Пунина нѣтъ дома? спросилъ я самымъ развязнымъ манеромъ.

— Господина Пунина, Никандра Вавилыча, въ сію минуту точно нѣтъ дома, отвѣчалъ, не торопясь, Бабуринъ; но позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ: развѣ прилично—такъ, не спросясь, входить въ чужую комнату?

Я!.. молодой человѣкъ!.. какъ онъ смѣетъ!.. Я вспыхнулъ весь отъ гнѣва.

— Вы, должно быть, меня не знаете, произнесъ я уже не развязно, а надменно:—я здѣшней барыни внукъ.

— Это мнѣ все едино, возразилъ Бабуринъ, снова принимаясь за полотенце. Вы хоть и барскій внукъ—а не имѣете права входить въ чужую комнату.

— Какая же она чужая? Что вы?! Я здѣсь—вездѣ—дома.

— Нѣтъ, извините, здѣсь дома—я; потому что комната эта назначена мнѣ по условію — за мои труды.

— Не учите меня, пожалуйста, перебилъ я его: я лучше васъ знаю, что...

— Васъ надобно учить, перебилъ онъ меня въ свою очередь, потому что вы въ такомъ возрастѣ обрѣтаетесь... Я знаю свои обязанности, но и права свои знаю тоже очень хорошо, и если вы будете продолжать такимъ образомъ со мною бесѣдовать—то мнѣ придется попросить васъ отсюда выдти...

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось наше препираніе, еслибъ въ эту минуту, шмыгая и раскачиваясь, не вошелъ Пунинъ. Онъ, вѣроятно, догадался, по выраженію нашихъ лицъ, что между нами произошло что-то неладное, и тотчасъ обратился ко мнѣ съ самыми любезными изъявленіями радости.

— А, барчукъ! барчукъ! воскликнулъ онъ, безпорядочно взмахивая руками и заливаясь своимъ беззвучнымъ смѣхомъ: миленькій! меня навѣстить пришелъ! пришелъ, миленькій! (Что это? подумалъ я; неужто же онъ мнѣ—«ты» говоритъ?) Ну пойдемъ, пойдемъ со мною въ садъ. Я тамъ нѣчто такое нашелъ... Что въ духотѣ сидѣть-то! пойдемъ.

Я послѣдовалъ за Пунинымъ, однако на порогѣ двери почелъ за нужное обернуться и бросить вызывающій взоръ на Бабурина. Я, молъ, тебя не боюсь!

Онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и даже фукнулъ въ полотенце—вѣроятно, для того, чтобы хорошенько дать мнѣ почувствовать, до какой степени онъ меня презираетъ!

— Какой нахалъ вашъ пріятель! сказалъ я Пунину, какъ только дверь затворилась за мною.

Пунинъ чуть не съ испугомъ поворотилъ ко мнѣ свое пухлое лицо.

— Это вы о комъ такъ выражаетесь? спросилъ онъ, выпуча глаза.

— Да конечно о немъ... какъ вы его называете? объ этомъ... Бабуринѣ.

— О Парамонѣ Семеновичѣ?

— Ну да; вотъ объ этомъ... черномазомъ.

— Э... э... э..! промолвилъ съ ласковой укоризной Пунинъ.— Какъ это вы можете такъ говорить, барчукъ, барчукъ!—Парамонъ Семенычъ человѣкъ достойнѣйшій, строжайшихъ правилъ, изъ ряду вонъ человѣкъ! Ну, конечно — себя онъ въ обиду не дастъ, потому—цѣну себѣ знаетъ. Съ нимъ, мой миленькій, надо

обходиться вѣжливенько, вѣдь онъ... тутъ Пунинъ наклонился къ самому моему уху—республиканецъ!

Я уставился на Пунина. Этого я никакъ не ожидалъ. Изъ учебника Кайданова и другихъ историческихъ сочиненій я вычиталъ, что существовали когда-то въ древности республиканцы, греки и римляне, и даже почему-то воображалъ ихъ всѣхъ въ шлемахъ, съ круглыми щитами на рукахъ и голыми большими ногами; но чтобы въ дѣйствительности, въ настоящее время, особенно въ Россіи, въ ....ой губерніи, могли находиться республиканцы—это сбивало всѣ мои понятія, совершенно путало ихъ!

— Да, мой миленькій, да; Парамонъ Семенычъ республиканецъ, повторилъ Пунинъ; — вотъ вы и знайте впередъ, какъ о такомъ человѣкѣ отзываться!—А теперь пойдемте въ садъ. Представьте, что́ я тамъ нашелъ! Кукушкино яйцо въ гнѣздѣ у горихвостки! чудеса!

Я отправился въ садъ вмѣстѣ съ Пунинымъ; но мысленно все твердилъ: республиканецъ! рес...пу...бликанецъ!

«То-то, рѣшилъ я наконецъ—у него такая синяя борода!»

Мои отношенія къ этимъ двумъ личностямъ—Пунину и Бабурину — опредѣлились окончательно съ самаго того дня. Бабуринъ возбуждалъ во мнѣ чувство враждебное, къ которому однако въ скоромъ времени примѣшалось нѣчто похожее на уваженіе. И боялся же я его! Я не переставалъ бояться его даже тогда, когда въ его обращеніи со мною исчезла прежняя рѣзкая строгость. Нечего говорить, что я Пунина не боялся; я даже не уважалъ его, я считалъ его—говоря безъ обиняковъ — за шута; но полюбилъ я его всею душою! Проводить цѣлые часы въ его обществѣ, быть съ нимъ наединѣ, слушать его разсказы — стало для меня истиннымъ наслажденьемъ. Бабушкѣ очень не нравилась эта «intimité» съ человѣкомъ изъ «простецовъ» — «du commun»; но я, какъ только мнѣ удавалось урваться, тотчасъ бѣжалъ къ моему забавному, дорогому, странному другу. Свиданія наши стали особенно часты послѣ удаленія мадмуазель Фрикэ, которую бабушка отправила обратно въ Москву въ наказаніе за то, что она вздумала пожаловаться заѣзжему армейскому штабсъ-капитану на скуку, господствовавшую въ нашемъ домѣ. И Пунинъ, съ своей стороны, не тяготился продолжительными бесѣдами съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; онъ словно самъ искалъ ихъ. Сколько переслушалъ я его разсказовъ, сидя съ нимъ въ пахучей тѣни, на сухой и гладкой травѣ, подъ на-

вѣсомъ серебристыхъ тополей, или въ камышахъ надъ прудомъ, на крупномъ и сыроватомъ песку обвалившагося берега, изъ котораго, страшно сплетаясь, какъ большія черныя жилы, какъ змѣи, какъ выходцы подземнаго царства, торчали узловатые коренья! Пунинъ въ подробности разсказалъ мнѣ свою жизнь, всѣ свои счастливые и несчастные случаи, которымъ я всегда такъ искренне сочувствовалъ! Его отецъ былъ дьякономъ;—«чудесный былъ человѣкъ—однако подъ хмѣлемъ строгъ до безпамятства».

Самъ Пунинъ учился въ семинаріи; но не выдержавъ «поронціи» и не ощущая въ себѣ расположенія къ духовному званію, сдѣлался міряниномъ, вслѣдствіе чего произошелъ всѣ мытарства и сталъ наконецъ бродягой.—«И не встрѣться я съ благодѣтелемъ моимъ Парамономъ Семенычемъ», прибавлялъ обыкновенно Пунинъ—(онъ иначе не величалъ Бабурина)—«погрязъ бы я въ пучинѣ бѣдствій, безобразія и пороковъ»! Пунинъ любилъ высокопарныя выраженія—и если не ко лжи, то къ сочинительству и преувеличиванію поползновеніе имѣлъ сильное; всему-то онъ дивился, ото всего приходилъ въ восторгъ... И я, въ подражаніе ему, тоже пускался преувеличивать и восторгаться.—«Да ты какой-то бѣсноватый сталъ—перекрестись, что ты это»,—говаривала мнѣ моя старая няня. Разсказы Пунина занимали меня чрезвычайно; но больше даже его разсказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мною. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынникъ или добрый духъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой, и украдкой кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ, удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ, мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ, мы сидимъ уже рядкомъ, вотъ уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плесени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лицо, въ губы Пунина—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ польется сладостная рѣчь! Раздаются наконецъ первые звуки чтенія! Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ—звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пиѳія! И еще вотъ какая за нимъ водилась

привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, въ полголоса, какъ-бы бормоча... Это онъ называлъ читать на-чернó; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ на-бѣло и вдругъ вскочитъ, задрожитъ... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу)—но даже «Россіаду» Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая «Россіада» меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось!—«Да», говаривалъ бывало Пунинъ, значительно кивая головою; «Херасковъ — тотъ спуску не даетъ. Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ—просто, зашибетъ... Только держись!... Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ — вонъ гдѣ! и трубитъ, трубитъ, аки кимвалонъ!—За то ужъ и имя ему дано! одно слово: Херрраскова!!» Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели піита. Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу, на поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ непристойное и пошлое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а «кантами»; всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ, либо съ гадливостью отвернуться отъ Пунина — онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что́ тоже оскорбляло мои барскія привычки—либо, увлеченный и побѣжденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ... Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или, какъ выражалась бабушка, воспѣвать канты... даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защелкàлъ...

Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанья.

Увы! всѣ эти попытки, и волненія, и восторги, наши уединенныя чтенія, наша жизнь вдвоемъ, наша поэзія—все покончилось разомъ. Какъ громовой ударъ, на насъ внезапно обрушилась бѣда.

Бабушка во всемъ любила чистоту и порядокъ, ни дать ни взять тогдашніе исполнительные генералы; въ чистотѣ и порядкѣ долженъ былъ содержаться и садъ нашъ. А потому отъ времени до времени въ него «пагоняли» безтягольныхъ мужичковъ-бобылей, запитатныхъ или опальныхъ дворовыхъ — и заставляли ихъ чистить дорожки, полоть гряды, просѣвать и разрыхлять землю подъ клумбы и т. п. Вотъ однажды, въ самый развалъ именно такого пригона, бабушка отправилась въ садъ и меня съ собой взяла. Всюду, между деревьевъ, по луговинамъ, мелькали бѣлыя, красныя, сизыя рубахи; всюду слышался скрежетъ и лязгъ скребущихъ лопатъ, глухой стукъ земляныхъ комьевъ о косо-поставленныя сита. Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ, и шапку снялъ какъ будто нехотя. Это былъ очень еще молодой парень съ испитымъ лицомъ и впалыми тусклыми глазами. Напковый кафтанъ, весь прорванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это? спросила бабушка у Филиппыча, на цыпочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы... про кого... изволите... залепеталъ-было Филиппычъ.

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что́ волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ, стоитъ—не работаетъ.

— Этотъ-съ! Да-съ... Э... э... это Ермилъ, Павла Аѳанасьева покойнаго сынокъ.

Этотъ Павелъ Аѳанасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но внезапно впавъ въ немилость, также внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше, кубаремъ, очутился наконецъ въ курной избѣ заглазной деревни на пудѣ мукй мѣсячины, и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

— Ага! промолвила бабушка; яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что́ изъ-подлобья смотрятъ,—не надобно.

Бабушка вернулась домой — и распорядилась. Часа черезъ три, Ермила, совершенно «снаряженнаго», привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась крестьянская тележёнка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена! — Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные верёвочкой саноги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія,

ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съёженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета, и приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго. Въ кабинетѣ, кромѣ ея, находились въ ту минуту четыре человѣка: дворецкій, Бабуринъ, дневальный казачокъ и я.

Бабушка качнула головою сверху внизъ...

— Сударыня, раздался вдругъ хриплый, почти сдавленный голосъ. Я оглянулся. Лицо у Бабурина покраснѣло... покраснѣло до темноты; подъ насупленными бровями появились маленькія, свѣтлыя, острыя точки... Не было сомнѣнія: это онъ, это Бабуринъ произнесъ слово: Сударыня!

Бабушка тоже оглянулась, и перевела свой лорнетъ съ Ермила на Бабурина.

— Кто тутъ... говоритъ? произнесла она медленно... въ носъ. Бабуринъ слегка выступилъ впередъ.

— Сударыня, началъ онъ; это я... рѣшился.—Я полагалъ... Я осмѣливаюсь доложить вамъ, что вы напрасно изволите поступать такъ... какъ вы сейчасъ поступить изволили.

— То-есть? повторила бабушка тѣмъ же голосомъ и не отводя лорнета.

— Я имѣю честь... продолжалъ Бабуринъ отчетливо, хотя съ видимымъ трудомъ выговаривая каждое слово—я извиняюсь на счетъ этого парня, что̀ ссылается на поселеніе... безо всякой съ его стороны вины. Такія распоряженія, смѣю доложить, ведутъ лишь къ неудовольствіямъ... и къ другимъ дурнымъ,—чего Боже сохрани!—послѣдствіямъ—и суть не что иное, какъ превышеніе данной господамъ помѣщикамъ власти.

— Ты... гдѣ учился? спросила бабушка послѣ нѣкотораго молчанія, и опустила лорнетъ.

Бабуринъ изумился.—Чего изволите-съ? пробормоталъ онъ.

— Я спрашиваю тебя: гдѣ ты учился?—Ты такія мудреныя слова употребляешь.

— Я... воспитаніе мое... началъ-было Бабуринъ.

Бабушка презрительно пожала плечомъ. — Стало-быть, перебила она, тебѣ мои распоряженія не нравятся. Это мнѣ совершенно все равно—въ своихъ подданныхъ я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю,—только я не привыкла, чтобы въ моемъ присутствіи разсуждали, и не въ свое дѣло мѣшались. Мнѣ ученые филантропы изъ разночинцевъ не надобны; мнѣ слуги надобны безотвѣтные. Такъ я до тебя жила, и послѣ тебя я такъ жить

буду. Ты мнѣ не годишься: ты уволенъ.—Николай Антоновъ, обратилась бабушка къ дворецкому:—разсчитай этого человѣка; чтобы сегодня же къ обѣду его здѣсь не было. Слышишь? Не введи меня въ гнѣвъ. Да и другого того... дурака приживальщика съ нимъ отправить.—Чего-жъ Ермилка ждетъ? прибавила она, снова глянувъ въ окно. Я его осмотрѣла. Ну, чего еще? Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ-бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо: «ступайте всѣ люди вонъ!»

Всѣ мы удалились—всѣ, кромѣ казачка дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ «человѣкомъ».

Приказъ бабушки былъ исполненъ въ точности. Къ обѣду, и Бабуринъ, и другъ мой Пунинъ, выѣхали изъ усадьбы. Не берусь описать мое горе, мое искреннее, прямо дѣтское отчаяніе. Оно было такъ сильно, что заглушало даже то чувство благоговѣйнаго удивленія, которое внушила мнѣ смѣлая выходка республиканца Бабурина. Послѣ разговора съ бабушкой, онъ тотчасъ отправился къ себѣ въ комнату и началъ укладываться. Меня онъ не удостоивалъ ни словомъ, ни взглядомъ, хотя я все время вертѣлся около него, то-есть въ сущности—около Пунина. Этотъ совсѣмъ потерялся—и тоже ничего не говорилъ, за то безпрестанно взглядывалъ на меня, и въ глазахъ его стояли слезы... все однѣ и тѣ же слезы: онѣ не проливались и не высыхали. Онъ не смѣлъ осуждать своего «благодѣтеля». Парамонъ Семенычъ не могъ ни въ чемъ ошибиться, но очень ему было томно и грустно. Мы съ Пунинымъ попытались-было прочесть на прощаніе нѣчто изъ «Россіады»; мы даже заперлись для этого въ чуланъ—нечего было думать идти въ садъ—но на первомъ же стихѣ запнулись оба, и я разревѣлся какъ телёнокъ, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ и претензіи быть большимъ. Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился наконецъ ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: «Урокъ вамъ, молодой господинъ; помните нынѣшнее происшествіе и, когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!» Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду... буду помнить, что обѣщаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно...

Но тутъ на Пунина, съ которымъ мы передъ тѣмъ разъ двадцать обнялись—(мои щеки горѣли отъ прикосновенія его небри-

той бороды, и весь я былъ пропитанъ его запахомъ) — тутъ на Пунина напало внезапное изступленіе! Онъ вскочилъ на сидѣнье тарантаса, поднялъ обѣ руки кверху и началъ громовымъ голосомъ (откуда онъ у него взялся!) декламировать извѣстное переложеніе Давидова псалма Державинымъ, пiитой на этотъ разъ—а не царедворцемъ:

Возсталъ, Всесильный Богъ! Да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ!..
Доколь вамъ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы...

— Сядь! сказалъ ему Бабуринъ.

Пунинъ сѣлъ, но продолжалъ:

Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ...

Пунинъ, при словѣ «сильныхъ»—указалъ пальцемъ на барскій домъ, а потомъ ткнулъ имъ въ спину сидѣвшаго на козлахъ кучера.

Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!
Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ...

Прибѣжавшій изъ барскаго дома, Николай Антоновъ закричалъ во все горло кучеру: «Пошелъ! ворона! пошелъ, не зѣвай!» и тарантасъ покатился. Только издали еще слышалось:

Воскресни, Боже, Боже правыхъ!..
Приди, суди, карай лукавыхъ—
И будь одинъ Царемъ земли!

— Экой паяцъ! замѣтилъ Николай Антоновъ.

— Недостаточно пороли въ юности, доложилъ появившійся на крылечкѣ дворецкій. Онъ приходилъ освѣдомиться, въ которомъ часу угодно барынѣ назначить всенощную.

Въ тотъ же день, узнавъ, что Ермилъ находится еще на деревнѣ и только на другое утро рано препровождается въ городъ, я отыскалъ его и, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, вручилъ ему узелокъ, въ который увязалъ два носовыхъ платка, пару стоптанныхъ башмаковъ, гребенку, старую ночную рубашку и совсѣмъ новенькій шелковый галстухъ. Ермилъ, котораго мнѣ

пришлось разбудить—онъ лежалъ на задворкѣ, возлѣ телеги, на охапкѣ соломы—Ермилъ довольно равнодушно, не безъ нѣкотораго даже колебанія, принялъ мой подарокъ, не поблагодарилъ меня, тутъ же уткнулъ голову въ солому и снова заснулъ. Я ушелъ отъ него нѣсколько разочарованный. Я воображалъ, что онъ изумится и возрадуется моему посѣщенію, увидитъ въ немъ залогъ моихъ будущихъ великодушныхъ намѣреній — и вмѣсто того...

— Эти люди—что́ ни говори́—безчувственны, думалось мнѣ на обратномъ пути.

Бабушка, которая почему-то оставляла меня въ покоѣ весь этотъ памятный для меня день, подозрительно оглянула меня, когда я сталъ, послѣ ужина, съ ней прощаться.

— У васъ глаза красны, замѣтила она мнѣ по-французски— и отъ васъ избою пахнетъ. Не буду входить въ разбирательство вашихъ чувствъ и вашихъ занятій — я не желала бы быть вынужденной наказать васъ — но надѣюсь, что вы оставите всѣ ваши глупости и будете снова вести себя, какъ прилично благородному мальчику. Впрочемъ, мы теперь скоро вернемся въ Москву, и я возьму для васъ гувернера—такъ какъ я вижу, чтобы справиться съ вами, нужна мужская рука. Ступайте.

Мы дѣйствительно скоро вернулись въ Москву.

II.

[1837]

Прошло семь лѣтъ. Мы по прежнему жили въ Москвѣ—но я былъ уже второкурснымъ студентомъ—и власть бабушки, замѣтно одряхлѣвшей въ послѣдніе годы, не тяготѣла надо мною. Изо всѣхъ моихъ товарищей я особенно близко сошелся съ нѣкіимъ Тарховымъ, веселымъ и добродушнымъ малымъ. Наши привычки, наши вкусы совпадали. Тарховъ былъ большой охотникъ до поэзіи и самъ пописывалъ стишки, во мнѣ тоже не пропали сѣмена, посѣянныя Пунинымъ. У насъ, какъ это водится между сблизившимися молодыми людьми, не было тайнъ другъ передъ другомъ. Но вотъ въ теченіи нѣсколькихъ дней я сталъ замѣчать въ Тарховѣ какую-то оживленность и тревогу... Онъ пропадалъ по часамъ—и я не зналъ, гдѣ онъ пропадаетъ, чего прежде никогда не случалось! Я уже собирался потребовать отъ него, во имя дружбы, полной исповѣди... Онъ самъ предупредилъ меня.

Однажды я сидѣлъ у него въ комнатѣ... «Петя,—заговорилъ онъ вдругъ, весело краснѣя и глядя мнѣ прямо въ лицо,—я долженъ познакомить тебя съ моею Музой».

— Съ твоей музой! какъ ты странно выражаешься! Точно классикъ! (Романтизмъ находился тогда, въ 1837 году, въ полномъ разгарѣ.) Развѣ я съ нею давно не знакомъ—съ твоей музой! Новое стихотвореніе ты написалъ, что́ ли?

— Ты меня не понимаешь, возразилъ Тарховъ, все продолжая смѣяться и краснѣть.—Я познакомлю тебя съ живою Музой.

— А! вотъ какъ! Но почему же она—твоя?

— Да потому же... Вотъ постой, кажется, это она идетъ сюда.

Послышался легонькій стукъ проворныхъ каблучковъ—дверь распахнулась—и на порогѣ показалась дѣвушка лѣтъ восьмнадцати въ пестренькомъ ситцевомъ платьецѣ, съ черной суконной мантильей на плечахъ, съ черной соломенной шляпой на бѣлокурыхъ, немного взбитыхъ волосахъ. Увидѣвъ меня, она испугалась и застыдилась, и подалась назадъ... но Тарховъ тотчасъ вскочилъ ей на встрѣчу.

— Пожалуйста, пожалуйста, Муза Павловна, войдите: это мой закадычный пріятель, прекраснѣйшій человѣкъ—и смирный-пресмирный. Его вамъ нечего бояться. Петя, обратился онъ ко мнѣ—рекомендую тебѣ мою Музу—Музу Павловну Виноградову, хорошую мою знакомую.

Я поклонился.

— Какъ же такъ... Музу? началъ-было я...

Тарховъ засмѣялся. А ты не знаешь, что въ святцахъ существуетъ такое имя? И я, братъ, не зналъ, пока вотъ не встрѣтился съ этой милой барышней. Муза! этакое имя прелестное. И какъ къ ней идетъ!

Я вторично поклонился хорошей знакомой моего пріятеля. Она отдѣлилась отъ двери, ступила раза два и остановилась. Очень она была миловидна, но съ мнѣніемъ Тархова я согласиться не могъ, и даже подумалъ про себя: «Ну, какая она муза!»

Черты ея кругловатаго, розоваго лица были тонки и мелки; свѣжей, бойкой молодостью вѣяло отъ всей ея миніатюрной, стройной фигуры; но музу, олицетвореніе музы я въ то время — да и не я одинъ—всѣ мы, юнцы, представляли себѣ совсѣмъ иначе! Прежде всего муза непремѣнно должна была быть черноволоса и блѣдна! Презрительно-гордое выраженіе, ѣдкая усмѣшка, вдохновенный взглядъ — и то «нѣчто», таинственное, демоническое, фатальное—вотъ безъ чего мы не могли вообразить музу, музу Байрона, тогдашняго властителя людскихъ думъ. Ничего подоб-

наго не замѣчалось на лицѣ вошедшей дѣвушки. Будь я тогда постарше да поопытнѣе — я бы вѣроятно обратилъ больше вниманія на ея глаза, маленькіе, углубленные, съ припухлыми вѣками, но черные какъ агатъ, живые и свѣтлые — что́ рѣдко въ бѣлокурыхъ. Не поэтическія наклонности открылъ бы я въ ихъ торопливомъ, какъ-бы скользившемъ взглядѣ, а признаки страстной, до самозабвенія страстной души... Но я былъ тогда еще очень юнъ.

Я протянулъ Музѣ Павловнѣ руку — она не подала мнѣ своей,—она не замѣтила моего движенія; сѣла на пододвинутый Тарховымъ стулъ, но шляпы и мантильи не сняла.

Ей видимо было неловко: мое присутствіе ее стѣсняло. Она дышала неровно и протяжно, словно воздуху въ себя набирала.

— Я къ вамъ на минуточку, Владиміръ Николаичъ, начала она,—голосъ у ней былъ очень тихій и грудной; въ ея алыхъ, почти дѣтскихъ устахъ онъ казался немного страннымъ;—но наша мадамъ никакъ не хотѣла отпустить меня больше, чѣмъ на полчаса. Третьяго дня вамъ не здоровилось... такъ вотъ я подумала...

Она запнулась, наклонила голову. Осѣненные густыми, низкими бровями, неуловимо бѣгали туда-сюда ея темные глазки. Въ жаркое лѣто, между былинками высохшихъ травъ, попадаются такіе же темные, проворные и блестящіе жучки.

— Какая же вы милая, Муза, Музочка! воскликнулъ Тарховъ. Но посидите, посидите немножко... Мы вотъ самоваръ поставимъ.

— Ахъ, нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ! какъ возможно! Я сію секунду должна уйти.

— Отдохните хоть крошечку. Вы запыхались... Вы устали.

— Я не устала. Я... не оттого... Только вотъ... дайте мнѣ другую книжку: эту я прочла.—Она достала изъ кармана истрепанный сѣрый томикъ московскаго изданія.

— Извольте, извольте. А что? понравилась она вамъ?—Рославлевъ, прибавилъ Тарховъ, обратившись ко мнѣ.

— Да. Только Юрій Милославскій, мнѣ кажется, гораздо лучше. Наша мадамъ очень строга на счетъ книгъ. Говоритъ, онѣ работать мѣшаютъ. Потому, по ея понятіямъ...

— Но вѣдь и Юрій Милославскій не чета Цыганамъ Пушкина? А? Муза Павловна? перебилъ съ улыбкой Тарховъ.

— Еще бы! Цыганы... протянула она съ разстановкой. Ахъ да, вотъ еще что́, Владиміръ Николаичъ; завтра не приходите... куда знаете.

— Почему же?

— Нельзя.

— Да почему?

Дѣвушка пожала плечами, и разомъ, словно что́ ее толкнуло, встала со стула.

— Куда же вы, Муза, Музочка, жалобно возопилъ Тарховъ. Посидите еще!

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.—Она проворно подошла къ двери, взялась за ручку...

— Ну хоть книжку возьмите!

— Въ другой разъ.—Тарховъ бросился къ дѣвушкѣ, но та мгновенно юркнула вонъ изъ комнаты. Онъ чуть не стукнулся носомъ о дверь.—Экая! настоящая ящерица! проговорилъ онъ не безъ досады, а потомъ задумался.

Я остался у Тархова. Надо-жъ было узнать, что́ все это значило. Тарховъ не сталъ скрытничать. Онъ разсказалъ мнѣ, что эта дѣвушка-мѣщаночка—швея; что недѣли три тому назадъ онъ въ первый разъ увидалъ ее въ модной лавкѣ, куда онъ зашелъ заказать шляпку по порученію сестры, живущей въ провинціи; что онъ съ перваго взгляда въ нее влюбился, и что ему на другой же день удалось заговорить съ ней на улицѣ; что она сама къ нему, кажется, неравнодушна.

— Только ты, пожалуйста, не думай, прибавилъ онъ съ жаромъ — не воображай чего-нибудь дурного о ней. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще ничего не произошло между нами такого...

— Дурного, подхватилъ я; не сомнѣваюсь; не сомнѣваюсь также и въ томъ, что ты объ этомъ искренно сожалѣешь, дружище! Потерпи—все уладится.

— Надѣюсь! промолвилъ Тарховъ со смѣхомъ, хоть и сквозь зубы.—Но, право, братъ, эта дѣвушка... Я тебѣ скажу—это типъ, знаешь, изъ новыхъ. Ты не успѣлъ разглядѣть ее хорошенько. Она дичо́къ: у! какой дичо́къ! И съ норовомъ! Да еще съ какимъ! Впрочемъ, самая эта дикость мнѣ въ ней нравится. Признакъ самостоятельности! Я, братъ, просто по уши въ нее врѣзался!

Тарховъ пустился толковать о своемъ «предметѣ» и прочелъ мнѣ даже начало стихотворенія, озаглавленнаго: «Моя Муза». Его сердечныя изліянія мнѣ не пришлись по вкусу. Я втайнѣ завидовалъ ему. Я скоро ушелъ отъ него.

Нѣсколько дней спустя, мнѣ случилось проходить по одному изъ рядовъ Гостинаго двора. День былъ субботній; покупщиковъ набралось пропасть; отовсюду, посреди давки и толкотни, разда-

вались зазывные крики сидѣльцевъ. Купивъ, что мнѣ было нужно, я думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ ихъ назойливаго приставанья—какъ вдругъ остановился... по неволѣ: въ одной фруктовой лавкѣ я увидалъ знакомую моего пріятеля—Музу, Музу Павловну! Она стояла ко мнѣ бокомъ,—и, казалось, чего-то дожидалась. Немного поколебавшись, я рѣшился подойти и заговорить съ нею. Но не успѣлъ я переступить порогъ лавки и снять картузъ—какъ она съ ужасомъ отшатнулась, и проворно обернувшись къ старичку въ фризовой шинели, которому лавочникъ отвѣшивалъ фунтъ изюму,—схватила его за руку, какъ-бы прибѣгая подъ его защиту. Тотъ, въ свою очередь обернулся къ ней лицомъ—и представьте мое изумленіе! Кого я узнаю въ немъ? Пунина!

Да, это былъ онъ; это были его воспалённые глазки, его пухлыя губы, его повислый, мягкій носъ. Онъ даже мало измѣнился въ эти семь лѣтъ; развѣ обрюзгъ немного.

— Никандръ Вавилычъ! воскликнулъ я. Вы меня не узнаёте? Пунинъ встрепенулся, раскрылъ ротъ, уставился на меня...

— Не имѣю чести, началъ-было онъ—и вдругъ запищалъ: троицкій барчукъ! (имѣніе моей бабушки прозывалось Троицкимъ). Неужели троицкій барчукъ?—Фунтъ изюму вывалился изъ его рукъ.

— Точно такъ, отвѣтилъ я, и, поднявъ съ полу покупку Пунина, облобызался съ нимъ.

Онъ задыхался отъ радости, отъ волненія; онъ чуть не прослезился, снялъ шапку,—причемъ я могъ убѣдиться, что послѣдніе слѣды волосиковъ исчезли съ его «яйца»,—досталъ со дна ея платокъ, высморкался, запихнулъ шапку за пазуху вмѣстѣ съ изюмомъ, надѣлъ ее снова, снова уронилъ изюмъ... Не знаю, какъ держала себя Муза во все это время: я старался на нее не глядѣть. Я не полагаю, чтобы волненіе Пунина происходило отъ излишней привязанности къ моей особѣ: его натура не выдерживала никакого неожиданнаго толчка. — Нервозность бѣдняковъ!

— Пойдемте къ намъ, къ намъ, голубчикъ, залепеталъ онъ наконецъ: вѣдь вы не побрезгаете посѣтить наше укромное гнѣздышко? Вы, я вижу, студентъ...

— Помилуйте, я, напротивъ, буду очень радъ.

— Вы теперь свободны?

— Совершенно свободенъ.

— И прекрасно! Какъ Парамонъ Семенычъ будетъ доволенъ! Сегодня и онъ раньше обыкновеннаго домой возвращается; и ее

вотъ мадамъ отпускаетъ по субботамъ. Да постойте, извините, я совсѣмъ съ панталыку сбился. Вы вѣдь съ племянницей нашей незнакомы?

Я поспѣшилъ ввернуть, что не имѣлъ еще удовольствія...

— Само собой разумѣется! Гдѣ вы могли съ нею встрѣтиться! Музочка... Замѣтьте, милостивый государь: эту дѣвицу зовутъ Музой — и это не прозвище, а настоящее ея имя... Каково предопредѣленіе? Музочка, представляю тебя господину... господину...

— Б...у—подсказалъ я.

— Б...у, повторилъ онъ. Музочка! Внимай! Преотличнѣйшаго, прелюбезнѣйшаго юношу видишь ты передъ собою. Меня съ ними судьба свела, когда они ещѣ совсѣмъ въ младыхъ лѣтахъ были! Прошу любить да жаловать!

Я отвѣсилъ низкій поклонъ. Муза, красная, какъ маковъ цвѣтъ, вскинула изъ-подлобья глазами и тотчасъ потупилась.

— А! подумалъ я,—ты изъ тѣхъ, что въ трудныхъ случаяхъ не блѣднѣютъ, а краснѣютъ: это къ соображенію принять слѣдуетъ.

— Не взыщите, она у насъ не модница, замѣтилъ Пунинъ, и вышелъ изъ лавки на улицу; мы съ Музой послѣдовали за нимъ.

Домъ, въ которомъ квартировалъ Пунинъ, находился въ довольно большомъ разстояніи отъ Гостинаго двора, а именно на Садовой улицѣ. Дорогой—мой бывшій наставникъ по части поэзіи успѣлъ сообщить мнѣ не мало подробностей о своемъ житьѣ-бытьѣ. Со времени нашей разлуки, и онъ, и Бабуринъ, порядкомъ поколесили по святой Руси, и только недавно, полтора года тому назадъ, нашли постоянный пріютъ въ Москвѣ. Бабурину удалось поступить главнымъ письмоводителемъ въ контору богатаго купца-фабриканта. Мѣстечко недоходное, замѣтилъ со вздохомъ Пунинъ,—работы много, пользы мало... да что будешь дѣлать? И то—слава Богу! Я тоже стараюсь пріобрѣсть кое-что перепиской да уроками; только старанія мои до сихъ поръ остаются безуспѣшны. Почеркъ у меня вы, можетъ, помните, старозавѣтный, для нынѣшняго вкуса непривѣтный; а что на счетъ уроковъ—много мнѣ препятствуетъ недостатокъ приличной одежды; къ тому же я страшусь, что и въ дѣлѣ преподаванія—преподаванія россійской словесности — я такъ же на нынѣшній вкусъ человѣкъ непригодный; оттого-то я сижу голодный. (Пунинъ засмѣялся своимъ сиплымъ, глухимъ смѣхомъ. Онъ сохранилъ

прежній, нѣсколько возвышенный складъ рѣчи и прежнюю замашку рюмовать.) Всѣ къ новизнамъ, къ новизнамъ обратились! Чай, и вы старыхъ боговъ уже не почитаете, къ новымъ припадаете?

— А вы, Никандръ Вавилычъ, неужели все еще уважаете Хераскова?

Пунинъ остановился и разомъ взмахнулъ обѣими руками.

— Въ высшей степени, сударь мой! Въ выс...шей сте...пе...ни!

— И Пушкина не читаете? Пушкинъ вамъ не нравится?

Пунинъ опять вознесъ руки выше головы.

— Пушкинъ? Пушкинъ есть змѣя, скрытно въ зеленыхъ вѣтвяхъ сидящая, которой данъ гласъ соловьиный!

Пока мы такимъ образомъ бесѣдовали съ Пунинымъ, осторожно выступая по неровно-сложеннымъ кирпичнымъ тротуарамъ «бѣлокаменной» Москвы, той самой Москвы, въ которой нѣтъ ни одного камня, и которая вовсе не бѣла — Муза тихонько шла съ нами рядомъ, по ту сторону отъ меня. Говоря о ней, я назвалъ ее: ваша племянница. Пунинъ помолчалъ немного, почесалъ затылокъ и сообщилъ мнѣ въ полъ-голоса, что онъ называетъ ее этимъ именемъ... только такъ; что она ему нисколько не доводится съ родни; что она сирота, найденная и призрѣнная Бабуринымъ въ городѣ Воронежѣ; но что онъ, Пунинъ, могъ бы величать ее дочерью, такъ какъ любитъ ее не хуже дочери настоящей. Я не сомнѣвался въ томъ, что, хотя Пунинъ нарочно понижалъ голосъ, Муза очень хорошо слышала все, что онъ говорилъ: и сердилась-то она, и робѣла, и стыдилась; тѣни и краски перебѣгали у ней по лицу, и все на немъ слегка двигалось: вѣки и брови, и губы, и узенькія ноздри. Очень все это было мило, забавно и странно.

Но вотъ мы достигли наконецъ «укромнаго гнѣздышка». И точно: очень оно было укромно, это гнѣздышко. Оно состояло изъ небольшого, чуть въ землю не вросшаго, одноэтажнаго домика съ покрившейся тесовой крышей и четырьмя тусклыми окошечками на переднемъ фасѣ. Убранство комнатъ было самое бѣдное, не совсѣмъ даже опрятное. Между окнами и по стѣнамъ висѣло около дюжины крошечныхъ деревянныхъ клѣтокъ съ жаворонками, канарейками, щеглами, чижами. «Мои подданные!»—торжественно проговорилъ Пунинъ, указывая на нихъ пальцемъ. Не успѣли мы войти и осмотрѣться, не успѣлъ Пунинъ откомандировать Музу за самоваромъ, какъ появился и самъ Ба-

буринъ. Онъ показался мнѣ постарѣвшимъ гораздо больше Пунина, хотя походка его осталась твердою, и общее выраженье лица сохранилось; но онъ похудѣлъ, сгорбился, щеки осунулись, и его черную, густую щетину — «сѣдой волосъ развилъ». Меня онъ не узналъ—и никакого особеннаго удовольствія не выказалъ, когда Пунинъ назвалъ меня; онъ даже глазами не улыбнулся, едва головой кивнулъ; спросилъ—весьма небрежно и сухо—жива ли моя *бабка*—да и только. «Меня, молъ, дворянскимъ посѣщеніемъ не удивишь, и нисколько мнѣ оно не лестно». Республиканецъ остался республиканцемъ. Муза вернулась; дряхлая старушонка внесла за нею плохо вычищенный самоваръ. Пунинъ засуетился, сталъ меня подчивать; Бабуринъ сѣлъ за столъ, подперъ голову обѣими руками и провелъ кругомъ усталый взглядъ. За чаемъ онъ однако разговорился. Положеніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ. «Кулакъ, не человѣкъ»,—какъ отзывался онъ о своемъ хозяинѣ; «подначальные люди для него—соръ ничего незначущій; а самъ давно ли серьмягу таскалъ? Жестокость одна да алчность. Хуже коронной службы! Да и вся здѣшняя торговля на одномъ надувательствѣ стоитъ и имъ только держится!» Слушая такія невеселыя рѣчи, Пунинъ вздыхалъ сокрушенно, поддакивалъ, покачивалъ головою то сверху внизъ, то съ боку на̀ бокъ; Муза упорно молчала... Её, очевидно, мучила мысль: что̀ я такое, скромный ли человѣкъ или болтунъ? И если я скромничаю, то не съ умысломъ ли? Ея черные, быстрые, безпокойные глаза такъ и мелькали подъ полуопущенными вѣками. Только однажды взглянула она на меня, да такъ пытливо, пронзительно, почти злобно... Я даже вздрогнулъ. Бабуринъ съ нею почти не заговаривалъ; но всякій разъ, когда онъ обращался къ ней, въ его голосѣ слышалась угрюмая, не отеческая ласка.

Пунинъ, напротивъ, то и дѣло заигрывалъ съ Музой; однако она и ему неохотно отвѣчала. Онъ называлъ ее снѣгуркой, снѣжинкой.

— Почему вы Музѣ Павловнѣ такія имена даете? спросилъ я.

Пунинъ засмѣялся. — А потому, что очень она у насъ холодная.

— Благоразумная, подхватилъ Бабуринъ; какъ слѣдуетъ быть молодой дѣвицѣ.

— Мы можемъ ее и хозяюшкой величать—воскликнулъ Пунинъ.—Ась? Парамонъ Семенычъ?—Бабуринъ нахмурился; Муза отвернулась... Я тогда не понялъ этого намека.

Такъ прошло часа два... не очень оживленно, хотя Пунинъ

всячески старался «занять честну́ю компанію». Онъ, между прочимъ, прикорнулъ передъ клѣткой одной изъ своихъ канареекъ, раскрылъ дверцы и скомандовалъ: «На *кумполъ!* Валяй концертъ!» — Канарейка тотчасъ выпорхнула, сѣла на *кумполъ*, т.-е. на голое темя Пунина и, поворачиваясь съ боку на бокъ и потрясая крылышками, защебетала изо всѣхъ силъ. Во все продолженіе концерта Пунинъ не шевелился и только пальцемъ слегка дирижировалъ да глаза ёжилъ.. Я не могъ не расхохотаться... но ни Бабуринъ, ни Муза не смѣялись.

Передъ самымъ уходомъ моимъ Бабуринъ удивилъ меня неожиданнымъ вопросомъ. Онъ пожелалъ узнать отъ меня, какъ отъ человѣка, который занимается въ университетѣ, что́ за личность былъ Зенонъ и какого я о немъ понятія?

— Какой Зенонъ? спросилъ я не безъ изумленія.

— Зенонъ, древній мудрецъ. Неужели онъ остался вамъ неизвѣстнымъ?

Я смутно помнилъ имя Зенона, какъ основателя стоической школы; а впрочемъ рѣшительно ничего больше о немъ не зналъ.

— Да, онъ былъ философъ, проговорилъ я наконецъ.

— Зенонъ, продолжалъ съ разстановкой Бабуринъ—тотъ самый есть мудрецъ, который объяснилъ, что страданіе не есть зло, ибо терпѣніе все превозмогаетъ, а добро есть на семъ свѣтѣ одно: справедливость; да и самая добродѣтель есть не что иное, какъ справедливость.

Пунинъ съ благоговѣніемъ приникъ ухомъ.

— Сообщилъ мнѣ это изрѣченіе одинъ здѣшній обыватель, у коего много обрѣтается старинныхъ книгъ, продолжалъ Бабуринъ;—очень оно мнѣ понравилось. Но вы, я вижу, такого рода предметами не занимаетесь.

Бабуринъ сказалъ правду. Такими предметами я не занимался—точно. Со времени моего поступленія въ университетъ, я сталъ республиканцемъ не хуже самого Бабурина. О Мирабо́ и Робеспьерѣ я поговорилъ бы съ наслажденьемъ. Да что́ Робеспьеръ!.. у меня надъ письменнымъ столомъ висѣли литографированные портреты Фукіэ-Тенвилля и Шаліэ!—Но Зенонъ?! — Откуда принесло Зенона?

Прощаясь со мною, Пунинъ очень настаивалъ на томъ, чтобы я посѣтилъ ихъ на слѣдующій день, въ воскресенье; Бабуринъ не приглашалъ меня вовсе и даже замѣтилъ сквозь зубы, что бесѣда съ людьми простыми, разночинцами, не можетъ мнѣ доставить большое удовольствіе и что, вѣроятно, моей *бабкѣ* бу-

детъ непріятно... На этомъ словѣ я однако перебилъ его рѣчь и далъ ему понять, что бабушка мнѣ больше не указка.

— А во владѣніе имѣніями не вступили?—спросилъ Бабуринъ.

— Нѣтъ, не вступилъ, отвѣчалъ я.

— Ну, и стало быть... Бабуринъ не докончилъ начатой фразы; но я ее докончилъ за него. «Стало быть, я мальчикъ». — Прощайте, сказалъ я громко, и удалился.

Я уже выходилъ со двора на улицу... Муза вдругъ выбѣжала изъ дому и, сунувъ мнѣ въ руку скомканную бумажку, тотчасъ скрылась. У перваго фонарнаго столба я развернулъ эту бумажку. Она оказалась запиской. Съ трудомъ разобралъ я блѣдныя, карандашемъ начертанныя строки. «Ради Бога—писала мнѣ Муза—приходите завтра послѣ обѣдни въ Александровскій садъ возлѣ башни Кутафьи я буду ждать васъ не откажите мнѣ не сдѣлайте меня несчастной мнѣ непремѣнно нужно васъ видѣть». Орѳографическихъ ошибокъ въ этой запискѣ не было, но не было такъ же знаковъ препинанія. Я вернулся домой въ недоумѣньи.

Когда за четверть часа до назначеннаго времени, сталъ я, на слѣдующій день, подходить къ башнѣ Кутафьѣ (дѣло было въ началѣ апрѣля, почки наливались, травка зеленѣла, и воробьи шумно чирикали и дрались въ обнаженныхъ кустахъ сирени), я, къ немалому моему удивленію, увидѣлъ въ сторонкѣ, недалеко отъ ограды, Музу. Она предупредила меня. Я направился-было къ ней; но она сама пошла мнѣ на встрѣчу.

— Пойдемте къ Кремлевской стѣнѣ, шепнула она утопленнымъ голосомъ, бѣгая по землѣ опущенными глазами,—а то здѣсь люди.

Мы поднялись по дорожкѣ въ гору.

— Муза Павловна, началъ-было я... Но она тотчасъ меня перебила.

— Пожалуйста, заговорила она тѣмъ же порывистымъ и тихимъ голосомъ,—не судите меня, не думайте чего нехорошаго. Я вамъ письмо написала, свиданье назначила,—потому... я боялась... Мнѣ вчера показалось,—вы словно все посмѣивались.—Послушайте, прибавила она съ внезапнымъ усиліемъ, и остановилась и повернулась ко мнѣ; послушайте: если вы скажете съ кѣмъ... если вы назовете, у кого мы встрѣтились, я брошусь въ воду, я утоплюсь, я руки на себя наложу!

Она тутъ въ первый разъ взглянула на меня тѣмъ уже знакомымъ мнѣ, пытливымъ и острымъ взглядомъ.

«А вѣдь она, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ... чего добраго?» подумалось мнѣ.

— Помилуйте, Муза Павловна, поспѣшно промолвилъ я, какъ вы можете имѣть о мнѣ такое дурное мнѣніе? Неужели я способенъ выдать пріятеля и повредить вамъ? Да и наконецъ, въ вашихъ отношеніяхъ, сколько я знаю, нѣтъ ничего предосудительнаго... Ради Бога, успокойтесь.

Муза выслушала меня, не трогаясь съ мѣста и не глядя на меня болѣе.

— Я вамъ вотъ еще что́ должна сказать, начала она, снова подвигаясь впередъ по дорожкѣ,—а то вы можете подумать: да она сумасшедшая! Я вамъ должна сказать: на мнѣ этотъ старикъ жениться хочетъ!

— Какой старикъ? Лысый? Пунинъ?

— Нѣтъ—не тотъ; другой... Парамонъ Семенычъ.

— Бабуринъ?

— Онъ самый.

— Неужто? Онъ вамъ предложеніе сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ.

— Но вы, конечно, не согласились?

— Нѣтъ, согласилась... потому что я тогда ничего не понимала. Теперь—другое дѣло.

Я руками всплеснулъ.—Бабуринъ—и вы! Да вѣдь ему подъ пятьдесятъ лѣтъ!

— Онъ говоритъ: сорокъ три. Да это все равно. Будь ему двадцать пять лѣтъ—я за него все-таки не выду. Что за радость! Цѣлая недѣля пройдетъ,—онъ и не улыбнется ни разу! Парамонъ Семенычъ мой благодѣтель, очень я ему обязана, онъ меня призрѣлъ, воспиталъ, я бы пропала безъ него, я должна почитать его, какъ отца... Но женой его быть! Лучше смерть! Лучше прямо въ гробъ!

— Что это вы все о смерти упоминаете, Муза Павловна?..

Муза опять остановилась.

— Да ужъ будто жизнь таково́ красна? Я и знакомаго-то вашего, Владиміра-то Николаича, можно сказать, съ тоски да съ печали полюбила,—а тутъ Парамонъ Семенычъ съ своими предложеніями... Пунинъ, тотъ хоть стихами надоѣдаетъ, да не пугаетъ по крайности; не заставляетъ Карамзина читать по вечерамъ, когда у меня отъ усталости голова съ плечъ валится! И на что́ мнѣ эти старики? Еще холодной меня величаютъ. Съ ними—да горячей быть? Станутъ принуждать—уйду. Самъ же Парамонъ Семенычъ все говоритъ: свобода! свобода! Ну вотъ и

я захотѣла свободы. А то—что́-жъ это такое? Всѣмъ воля, а меня въ тюрьмѣ держать? Я ему сама скажу. А коли вы меня выдадите или хоть намекнете—помните: только меня и видали!

Муза стала поперегъ дороги.

— Только меня и видали! повторила она рѣзко. Она и въ этотъ разъ глазъ не подняла; она словно знала, что непремѣнно выдастъ себя, покажетъ, что́ у ней на душѣ, если кто ей прямо въ глаза посмотритъ... И именно отъ того она не иначе, какъ въ сердцáхъ или съ досадой поднимала взоръ—и тогда уже прямо уставлялась на человѣка, съ которымъ говорила... Но ея небольшое, розовое, миловидное лицо дышало безповоротной рѣшимостью.

«Ну,—мелькнуло у меня въ головѣ,—Тарховъ правъ. Эта дѣвушка—новый типъ».

— Меня вамъ нечего бояться, произнесъ я наконецъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Даже если... Вотъ вы что-то такое сказали объ нашихъ отношеніяхъ... Такъ даже въ случаѣ... Она умолкла.

— И въ этомъ случаѣ вамъ бояться нечего, Муза Павловна. Я вамъ не судья. А тайна ваша погребена—вотъ тутъ. Я указалъ себѣ на грудь. Повѣрьте, я умѣю цѣнить...

— Письмо мое съ вами? внезапно спросила Муза.

— Со мной.

— Гдѣ?

— Въ карманѣ.

— Отдайте мнѣ... скорѣй, скорѣй!

Я досталъ вчерашнюю бумажку. Муза схватила ее своей жесткой ручкой, постояла немного передо мною, какъ-бы собираясь поблагодарить меня; но вдругъ вздрогнула, оглянулась и, даже не поклонившись, проворно спустилась подъ гору.

Я посмотрѣлъ въ сторону, куда она направлялась. Не вдалекѣ отъ башни, завернутая въ альмавиву—(альмавивы были тогда въ великой модѣ)—виднѣлась фигура, въ которой я тотчасъ призналъ Тархова.

«А, братъ,—подумалъ я,—тебя, стало быть, извѣстили, если ты ее караулишь...»

И, посвистывая себѣ подъ носъ, я отправился домой.

На другое утро, я только что успѣлъ напиться чаю, явился ко мнѣ Пунинъ. Вошелъ онъ въ комнату съ довольно смущеннымъ видомъ, началъ поклоны отвѣшивать, оглядываться, изви-

няться въ своей яко бы нескромности. Я поспѣшилъ его успокоить. Грѣшный человѣкъ, я вообразилъ, что Пунинъ пришелъ съ намѣреніемъ занять деньжонокъ. Но онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ стаканчикъ чайку съ ромкомъ, благо самоваръ былъ не убранъ.—«Не безъ сердечнаго трепетанія и замиранія шелъ я къ вамъ на свиданіе,—заговорилъ онъ, откусывая кусочикъ сахара. Васъ-то я не боюсь: но страшусь вашей почтенной бабушки! Смиряетъ меня также моя одежда, какъ уже я вамъ докладывалъ.»—Пунинъ провелъ пальцемъ по бортищу своего ветхаго сюртука.—«Дома-то оно ничего, и на улицѣ тоже не бѣда; а какъ попадешь въ золоченыя палаты,—бѣдность твоя тебѣ предстанетъ—и конфузно тебѣ станетъ!»—Я занималъ двѣ небольшія комнаты въ антресоли, и конечно никому не пришло бы въ голову назвать ихъ палатами, да еще золочеными; но Пунинъ вѣроятно говорилъ обо всемъ бабушкиномъ домѣ, который, впрочемъ, тоже не отличался роскопью. Онъ попенялъ мнѣ, зачѣмъ я не посѣтилъ ихъ наканунѣ: Парамонъ-молъ Семенычъ васъ ожидалъ, хоть и увѣрялъ, что вы ни за что́ не придете. И Музочка тоже ждала васъ.

— Какъ? и Муза Павловна? спросилъ я.

— И она. А вѣдь миленькая у насъ проявилась дѣвица? Скажите?

— Премиленькая, подтвердилъ я.

Пунинъ съ чрезвычайной быстротой потеръ свою обнаженную голову.—«Красавица, сударь мой, перлъ, или даже браліантъ—истинно вамъ говорю.»—Онъ наклонился къ самому моему уху.—«Тоже дворянская кровь,»—шепнулъ онъ мнѣ; «только—вы понимаете—съ лѣвой стороны; запретнаго плода вкушено было. Ну-съ, родители померли, родственники отступились и бросили на произволъ судьбы! значитъ: отчаяніе, голодная смерть! Но тутъ вступаетъ Парамонъ Семенычъ, извѣстный, стародавній избавитель! Взялъ, одѣлъ, согрѣлъ—вывелъ птенчика; и расцвѣла наша радость! Я вамъ говорю: рѣдчайшихъ достоинствъ человѣкъ!»

Пунинъ откинулся на спинку кресла, вскинулъ руками и снова наклонившись впередъ, снова началъ шептать, но еще таинственнѣе: «вѣдь и самъ Парамонъ Семенычъ... Вы не знаете? онъ тоже происхожденія высокаго—и тоже съ лѣвой стороны. Говорятъ—его отецъ былъ владѣтельный Грузинскій князь изъ племени Царя Давыда... Какъ вы это понимаете? Въ немногихъ словахъ—а сколько сказано?! Кровь Царя Давыда! Каково? А по другимъ извѣстіямъ, родоначальникомъ Парамона Семеныча

былъ нѣкій индійскій Шахъ Бабуръ Бѣлая Кость! Хорошо вѣдь и это? А?»

— Чтожъ? спросилъ я—и его, Бабурина, тоже бросили на произволъ судьбы?

Пунинъ опять потеръ свое темя.—Непремѣнно! И даже съ бо́льшею жестокостью, чѣмъ нашу кралечку! Съ ранняго дѣтства—одна борьба! Я даже, признаться, по этому случаю, вдохновясь Рубаномъ, четверостишіе къ портрету Парамона Семеныча сложилъ. Постойте... какъ бишь? Да!

Съ пеленокъ не щадя гоненій лютыхъ рокъ
Ко краю бездны злъ Бабурина привлёкъ!
Но огнь во мглѣ, златъ лучъ на гноищѣ блистаетъ.—
И се! побѣдный лавръ чело его вѣнчаетъ!

Пунинъ произнесъ эти стихи размѣреннымъ, пѣвучимъ голосомъ, какъ и слѣдуетъ читать стихи.

— Такъ вотъ отчего онъ республиканецъ! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, не оттого, простодушно отвѣчалъ Пунинъ.—Онъ отцу давно простилъ; но несправедливость перенести никоимъ образомъ не можетъ; чужая печаль его тревожитъ!

Я собирался навести рѣчь на то́, что я узналъ наканунѣ отъ Музы, а именно, на сватовство Бабурина,—да не зналъ, какъ приступить.—Пунинъ самъ вывелъ меня изъ затрудненья.

— Вы ничего не замѣтили? спросилъ онъ меня вдругъ, лукаво прищуривъ глазки.—Какъ у насъ были? ничего особеннаго?

— Да развѣ было что́ замѣчать? спросилъ я въ свою очередь.

Пунинъ оглянулся черезъ плечо, какъ-бы желая удостовѣриться, что насъ никто не подслушиваетъ.—Наша красоточка Музочка скоро станетъ замужней дамой!

— Какъ?

— Госпожей Бабуриной, напряженно произнесъ Пунинъ, и нѣсколько разъ ударивъ себѣ ладонями по колѣнямъ, закивалъ головою какъ фарфоровый китаецъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я съ притворнымъ изумленьемъ.

Голова Пунина немедленно остановилась, и руки его замерли.—А почему же: не можетъ быть? позвольте полюбопытствовать?

— Потому что Парамонъ Семенычъ въ отцы бы годился вашей барышнѣ; потому что такое различіе въ лѣтахъ исключаетъ всякую вѣроятность любви—со стороны невѣсты.

— Исключаетъ! съ азартомъ подхватилъ Пунинъ. А благодарность? А чистота сердечная? А нѣжность чувствъ? Исключаетъ!

Вы бы хоть то сообразить изволили: положимъ, Муза прекраснѣйшая дѣвица; но заслужить расположеніе Парамона Семеныча, быть его утѣхой, подпорой—супругой наконецъ! развѣ это не есть высочайшее счастье даже для такой дѣвицы? И она это понимаетъ! Вы посмотрите, бросьте внимательный взглядъ! Музочка передъ Парамономъ Семенычемъ вся благоговѣніе, вся трепетъ и восторгъ!

— Въ томъ-то и бѣда, Никандръ Вавилычъ, что она, какъ вы говорите, вся трепетъ. Кого любишь, передъ тѣмъ не трепещешь.

— И съ этимъ я несогласенъ! Вотъ я, напримѣръ: ужъ больше моего, кажется, невозможно любить Парамона Семеныча, а я... я трепещу передъ нимъ.

— Да вы—другое дѣло.

— Почему другое дѣло? почему? почему? перебилъ Пупинъ. Я просто не узнавалъ его: онъ горячился, серьёзничалъ, чуть не сердился—и не риѳмовалъ.—Нѣтъ, твердилъ онъ, я замѣчаю: у васъ око не проницательное! Нѣтъ! Вы не сердцевѣдецъ!—Я пересталъ ему противорѣчить; и чтобы придать иное направленіе разговору, предложилъ заняться, по старой памяти, чтеніемъ.

Пупинъ помолчалъ.

— Изъ прежнихъ? Изъ настоящихъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ; изъ новыхъ.

— Изъ новыхъ? повторилъ недовѣрчиво Пупинъ.

— Изъ Пушкина, отвѣчалъ я. Мнѣ вдругъ пришли въ голову «Цыгане», о которыхъ упомянулъ недавно Тарховъ. Тамъ же кстати пѣсенка поётся о старомъ мужѣ. Пупинъ поворчалъ немного, но я усадилъ его на диванъ, чтобъ ему было удобнѣе слушать, и принялся читать Пушкинскую поэму. Вотъ дошло дѣло до «стараго мужа, грознаго мужа»—Пупинъ выслушалъ пѣсенку до конца—и вдругъ порывисто поднялся.

— Не могу, промолвилъ онъ съ глубокимъ, меня самого поразившимъ волненіемъ:—извините меня; не могу я слушать болѣе сего сочинителя. Онъ безнравственный пашквилянтъ; онъ лжецъ... онъ меня смущаетъ. Не могу! Позвольте прекратить мое сегодняшнее посѣщеніе.

Я началъ уговаривать Пупина остаться; но онъ настаивалъ на своемъ съ какимъ-то тупымъ и испуганнымъ упорствомъ; повторилъ нѣсколько разъ, что онъ чувствуетъ смущеніе и желаетъ освѣжиться на воздухѣ—и при этомъ его губы слегка дрожали, и глаза его избѣгали моихъ глазъ—точно я обидѣлъ его. Такъ онъ и ушелъ.

А спустя немного и я вышелъ изъ дому, и отправился къ Тархову.

Ни у кого не спросясь, по студенческой привычной безцеремонности, я прямо пробрался къ нему на квартиру. Въ первой комнатѣ никого не было. Я кликнулъ Тархова по имени, и, не получивъ отвѣта, хотѣлъ-было удалиться; но дверь сосѣдней комнаты растворилась—и появился мой пріятель. Онъ какъ-то странно взглянулъ на меня и молча пожалъ мнѣ руку. Я пришелъ къ нему съ тѣмъ, чтобы пересказать ему все, что́ я узналъ отъ Пунина; и хотя я тотчасъ почувствовалъ, что посѣтилъ Тархова не въ пору, однако, поговоривъ немного о предметахъ постороннихъ, кончилъ-таки тѣмъ, что сообщилъ ему намѣреніе Бабурина на счетъ Музы. Это извѣстіе, повидимому, не очень его удивило; онъ тихонько подсѣлъ къ столу и, внимательно вперивъ въ меня глаза и безмолвствуя по прежнему, придалъ чертамъ своимъ выраженіе... такое выраженіе, точно онъ желалъ сказать: «ну, что́ ты еще сообщишь? Ну, излагай свои мысли». Я попристальнѣе посмотрѣлъ ему въ лицо... Оно мнѣ показалось оживленнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ, нѣсколько даже наглымъ. Но это не помѣшало мнѣ «изложить свои мысли». Напротивъ. «Ты форсъ свой выказываешь», подумалось мнѣ; «такъ и я-жъ тебя щадить не стану!» И тутъ же, немедленно приступилъ къ разсужденью о вредѣ внезапныхъ увлеченій, объ обязанности каждаго человѣка уважать свободу и личность другого человѣка,—словомъ, приступилъ къ преподаванью полезныхъ и дѣльныхъ совѣтовъ. Разглагольствуя такимъ манеромъ, я, для бо́льшей легкости, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Тарховъ не перебивалъ меня и не шевелился на своемъ стулѣ: только пальцами игралъ по подбородку.

— Я знаю, говорилъ я... (Что́ собственно побуждало меня говорить—мнѣ самому оставалось неяснымъ, вѣроятнѣе всего—зависть;—не служеніе же нравственности въ самомъ дѣлѣ!) Я знаю, говорилъ я, что это дѣло не легкое, не шуточное; я увѣренъ, что ты любишь Музу и что Муза тебя любитъ, что это съ твоей стороны не мгновенная прихоть... Но вотъ, положимъ! (Тутъ я скрестилъ руки на груди)... Положимъ: ты удовлетворилъ свою страсть, а дальше что́? Вѣдь ты не женишься на ней? И между тѣмъ ты разрушаешь счастье хорошаго, честнаго человѣка, ея благодѣтеля—и—кто знаетъ? (тутъ мое лицо выразило, въ одно и то же время, и проницательность, и грусть)—быть можетъ, и ея собственное счастье...

И т. д. и т. д. и т. д.!!!

Около четверти часа лилась моя рѣчь. Тарховъ все молчалъ. Меня начинало смущать это молчаніе. Я изрѣдка взглядывалъ на него, не столько для того, чтобы удостовѣриться во впечатлѣніи, которое производили мои слова, сколько для того, чтобы понять, отчего это онъ не возражаетъ и не соглашается, а сидитъ словно глухо-нѣмой? Мнѣ наконецъ, однако, показалось, что въ лицѣ его происходитъ... да, дѣйствительно происходитъ перемѣна. Оно стало выражать безпокойство, тревогу, тоскливую тревогу... Но странное дѣло! то оживленное, свѣтлое, смѣющееся нѣчто, то, что́ поразило меня съ самаго перваго взгляда на Тархова, все-таки не покидало этого встревоженнаго, этого тоскливаго лица! Я еще не зналъ, поздравлять ли мнѣ самого себя съ успѣхомъ своей проповѣди, какъ вдругъ Тарховъ поднялся и, стиснувъ мнѣ обѣ руки, промолвилъ скороговоркой: «Благодарю, благодарю... Ты мнѣ настоящій другъ... но теперь оставь меня пожалуйста».

Я изумился.—Тебя... оставить?

— Да. Вотъ видишь ли, я долженъ поразмыслить хорошенько о всемъ, что́ ты сейчасъ сказалъ... Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ты правъ... но теперь оставь меня!

— Ты въ такомъ волненіи... началъ я.

— Въ волненіи? я? — Тарховъ засмѣялся, но тотчасъ спохватился.—Да; конечно. Какъ же иначе? ты самъ говоришь: это не шутка. Да; объ этомъ надо подумать... наединѣ.—Онъ продолжалъ стискивать мнѣ руки.—Прощай, братъ, прощай!

— Прощай, повторилъ я. Прощай, братъ!—Уходя, я бросилъ послѣдній взглядъ на Тархова. Онъ казался доволенъ. Чѣмъ? Тѣмъ ли, что я, какъ вѣрный другъ и товарищъ, указалъ ему опасность пути, на который онъ занесъ ногу — или тѣмъ, что я уходилъ? Разнообразнѣйшія мысли вертѣлись у меня въ головѣ цѣлый день до самаго вечера—до самой той минуты, когда я вступилъ въ домъ, занимаемый Пунинымъ и Бабуринымъ, ибо я пошелъ къ нимъ въ тотъ же день.

Пунинъ сказывалъ мнѣ, во время своего посѣщенія, что меня у нихъ ожидали наканунѣ. Быть можетъ; но въ тотъ день рѣшительно никто не ожидалъ меня... Я засталъ всѣхъ дома, и всѣ удивились моему появленію. Бабуринъ и Пунинъ—оба были нездоровы; у Пунина голова болѣла, и онъ лежалъ калачикомъ на лежанкѣ, повязавъ голову пестрымъ платкомъ и приложивъ по разрѣзанному огурцу къ каждому виску. Бабуринъ страдалъ разлитіемъ желчи: весь желтый, почти бурый, съ темными кругами

вокругъ глазъ, съ наморщеннымъ лбомъ и небритой бородой — онъ мало походилъ на жениха! Я хотѣлъ уйти... Однако меня не отпустили и даже напоили чаемъ. Невеселый провелъ я вечерокъ. У Музы, правда, ничего не болѣло, она даже дичилась меньше обыкновеннаго, но ясно досадовала, злилась... Наконецъ она не вытерпѣла — и подавая мнѣ чашку чаю, торопливо прошептала: «Вы что́ тамъ ни говорите, какъ вы ни старайтесь, а ничего вы не подѣлаете... Такъ-то!» Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее и, улучивъ удобную минутку, спросилъ ее тоже въ полголоса:—Какой смыслъ вашихъ словъ?—«А такой смыслъ», отвѣчала она, и черные ея глаза, злобно блеснувъ изъ-подъ надвинутыхъ бровей, уперлись мнѣ въ лицо, и тотчасъ отклонилась въ сторону: «такой смыслъ, что я все слышала, что́ вы сегодня тамъ говорили и спасибо вамъ сказать нѣ за что, а будетъ все-таки не по вашему». — Вы были тамъ? невольно вырвалось у меня... Но тутъ Бабуринъ насторожился и глянулъ въ нашу сторону.— Муза отошла отъ меня прочь.

Минутъ десять спустя ей опять удалось приблизиться ко мнѣ. Ей словно было пріятно говорить мнѣ смѣлыя и опасныя вещи, и говорить ихъ въ присутствіи своего покровителя, подъ его наблюденіемъ, ровно настолько скрываясь, насколько оно было нужно для того, чтобы не возбудить его подозрительность. Извѣстное дѣло: ходить въ обрѣзъ, по самому краю пропасти—любимое женское занятіе.—«Да, я была тамъ», шептала Муза, не мѣняясь въ лицѣ; только ноздри ея слегка трепетали и губы криво подергивало.—«Да, и если Парамонъ Семенычъ меня спроситъ, о чемъ я съ вами теперь перешептываюсь, я сейчасъ ему скажу. Что́ мнѣ»!

— Будьте же осторожнѣе, убѣждалъ я ее, право, кажется, они замѣчаютъ...

— Я же вамъ говорю, что я готова все сказать. Да и кто замѣчаетъ? Одинъ съ лежанки шею вытягиваетъ, точно больной утёнокъ, да и не слышитъ ничего; а другой о философіи размышляетъ. Вы не бойтесь!—Голосъ Музы слегка возвышался и щеки ея понемногу краснѣли какой-то злорадной, тусклой краской; и чудесно шло это къ ней, и никогда она не была такъ хороша собою. Убирая со стола, разставляя по мѣстамъ чашки, блюдечки, она быстро двигалась по комнатѣ; было что-то вызывающее въ ея развязной, легкой походкѣ.—«Судите, молъ, меня, какъ знаете, а я сама по себѣ, и васъ не боюсь.»

Не могу скрыть, что Муза мнѣ казалась обаятельной, именно въ тотъ вечеръ. Да, думалось мнѣ, эта злюка—это новый типъ...

Это—прелесть. Эти руки, пожалуй, ударить могутъ... Что-жъ! Не бѣда!

Когда я вышелъ въ переднюю, она проводила меня, конечно, не изъ вѣжливости, а все изъ того же злорадства. Я спросилъ ее на прощанье:—Неужто вы такъ сильно его любите?

— Люблю, не люблю-ли, про то́ *я* знаю, отвѣчала она; а только чему быть, того не миновать.

— Смотрите, не играйте съ огнемъ... сгорите.

— Лучше сгорѣть, чѣмъ замерзнуть. А вы... съ вашими совѣтами! И почемъ вы знаете, что онъ не женится на мнѣ? Почемъ вы знаете, что я непремѣнно хочу выйти замужъ? Ну, я пропаду... Вамъ-то что за дѣло?

Она захлопнула за мною дверь.

Помнится, на возвратномъ пути домой, мнѣ было довольно пріятно думать, что моему другу, Владиміру Тархову, можетъ придтись—ой, ой, ой, какъ со́лоно отъ «новаго типа»... Долженъ же онъ хоть чѣмъ-нибудь поплатиться за свое счастье!

Въ томъ, что онъ будетъ счастливъ, я, къ сожалѣнію, не могъ сомнѣваться.

Прошло дня три. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ письменнымъ столомъ, и не столько работалъ, сколько собирался завтракать... услышалъ шорохъ, поднялъ голову и остолбенѣлъ. Передо мною — неподвижное, страшное, бѣлое, какъ мѣлъ, стояло привидѣніе... стоялъ Пунинъ. Медленно мигая, глядѣли на меня его съёженные глазки: безсмысленный, заячій испугъ выражали они, и руки висѣли, какъ плети.

— Никандръ Вавилычъ! Что́ съ вами? Какъ вы сюда попали? Никто не видалъ васъ? Что́ случилось? Да говорите же!

— Сбѣжала,—произнесъ Пунинъ едва слышнымъ, сиплымъ шопотомъ.

— Что вы говорите?

— Сбѣжала, повторилъ онъ.

— Кто?

— Муза. Ушла ночью и записку оставила.

— Записку?

— Да. Благодарю, молъ, но уже болѣе не вернусь. Не ищите. Мы туда—сюда; спрашиваемъ кухарку: та ничего не знаетъ. Я не могу громко говорить, извините. Голосъ сорвался.

— Муза Павловна васъ оставила! воскликнулъ я. Скажите! Г-нъ Бабуринъ долженъ быть въ отчаяніи. Что же онъ намѣренъ теперь сдѣлать?

— Ничего онъ не намѣренъ сдѣлать. Я хотѣлъ бѣжать къ генералъ-губернатору: запретилъ. Я хотѣлъ подать въ полицію объявленіе: запретилъ и даже прогнѣвался. Говоритъ: ея воля. Говоритъ: притѣснять не желаю. Даже на службу въ свою контору отправился. Только, конечно, облика человѣческаго уже на немъ не имѣется. Больно много любилъ онъ ее... Охъ, охъ, много мы оба ее любили!

Тутъ Пунинъ впервые обнаружилъ, что онъ не истуканъ, а живой человѣкъ: поднялъ оба кулака кверху и опустилъ ихъ себѣ на темя, лоснившееся какъ слоновая кость.

— Неблагодарная! простоналъ онъ; кто тебя кормилъ, поилъ, спасъ, обулъ, воспиталъ; кто заботился о тебѣ, кто всю жизнь, всю душу... А ты все забыла? Меня бросить, конечно, не штука, но Парамона Семеныча, Парамона...

Я попросилъ его присѣсть, отдохнуть...

Пунинъ отрицательно покачалъ головою.—Нѣтъ, не надо. Я и пришелъ-то къ вамъ... не знаю зачѣмъ. Я, какъ ошалѣлый; остаться дома одному—жутко; куда дѣться? Стану посреди комнаты, закрою глаза и зову: Муза! Музочка! Этакъ съ ума сойдешь. Да нѣтъ, что́ я вру? Я знаю, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ. Вы вотъ мнѣ намеднись ту треклятую пѣсенку прочли... помните, гдѣ говорится о старомъ мужѣ? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Али вы ужъ что́ знали тогда... или догадывались? Пунинъ глянулъ на меня.—Батюшка, Петръ Петровичъ, воскликнулъ онъ вдругъ и затрепеталъ весь — вамъ, быть можетъ, извѣстно, гдѣ она находится? Батюшка, къ кому она ушла?

Я смутился и по неволѣ опустилъ глаза...

— Развѣ она въ своемъ письмѣ сказала вамъ, началъ я...

— Она сказала, что уходитъ отъ насъ, потому что полюбила другого! Батюшка, голубчикъ, вы навѣрное знаете, гдѣ она! Спасите ее, пойдемте къ ней; мы ее уговоримъ. Помилуйте, посудите, кого она убила? Пунинъ вдругъ покраснѣлъ, вся кровь прилила ему въ голову, онъ тяжко грохнулся на колѣни. Спасите, отецъ, пойдемте къ ней!

Человѣкъ мой появился на порогѣ и остановился въ недоумѣніи.

Не малаго труда стоило мнѣ поднять Пунина снова на ноги, растолковать ему, что если я даже что-нибудь и подозрѣваю, то все-таки нельзя дѣйствовать такъ, сплеча, особенно вдвоемъ; что этимъ только все дѣло испортишь, что я готовъ попытаться, но ни за что не отвѣчаю. Пунинъ не возражалъ мнѣ, но и не слушалъ меня и лишь изрѣдка повторялъ своимъ надорваннымъ

голоскомъ:—Спасите, спасите ее и Парамона Семеныча. Онъ наконецъ заплакалъ.—Скажите, по крайней мѣрѣ, одно, спросилъ онъ, что... *она* хороша собою, молода?

— Молода, отвѣчалъ я.

— Молода, повторилъ Пунинъ, размазывая по щекамъ слезы. И она молода... Вотъ въ чемъ вся бѣда!

Эта рнема пришлась случайно; бѣдному Пунину было не до поэзіи. Я бы дорого далъ, чтобы снова услышать отъ него витіеватыя рѣчи, или хотя его почти беззвучный смѣхъ... Увы! тѣ рѣчи исчезли навсегда,—я не слыхалъ болѣе его смѣха.

Я обѣщался навѣстить его, какъ только узнаю что-нибудь положительное... Тархова я, однако, не назвалъ,—Пунинъ вдругъ опустился весь. — «Хорошо-съ, хорошо-съ, спасибо-съ», замѣтилъ онъ съ убогой ужимочкой, и вставляя слово ерики, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ;—только знаете-съ, Парамону Семенычу не говорите-съ ничего-съ... а то онъ разсердится!—Одно слово: запретилъ! Прощайте-съ, сударь!»

Уходя, и повернувшись ко мнѣ спиною, Пунинъ показался мнѣ такимъ мизернымъ, что я даже удивился: и хромалъ-то онъ на обѣ ноги, и присѣдалъ на каждомъ шагу...

«Плохо дѣло! Finis, что́ называется»,—подумалъ я.

Хотя я обѣщалъ Пунину собрать свѣдѣнія о Музѣ, однако, отправляясь въ тотъ же день къ Тархову, я нисколько не надѣялся что-нибудь узнать, ибо навѣрное полагалъ, что либо я не застану его дома, либо онъ меня не приметъ. Предположеніе мое оказалось ошибочнымъ: я засталъ Тархова дома, онъ меня принялъ, и я даже узналъ все, что́ хотѣлъ узнать, но пользы отъ этого не вышло никакой. Тарховъ, какъ только я перешагнулъ порогъ его двери, подошелъ ко мнѣ рѣшительно, быстро и съ сіяющими, горящими глазами на похорошѣвшемъ и просвѣтленномъ лицѣ, твердо и бойко промолвилъ:—Слушай, братъ Петя! Я догадываюсь, зачѣмъ ты пришелъ и о чемъ ты собираешься говорить со мною; но предупреждаю тебя, что если ты хотя единымъ словомъ упомянешь о ней, или объ ея поступкѣ, или о томъ, что́, по твоему, мнѣ повелѣваетъ благоразуміе—мы больше не друзья, мы даже не знакомые, и я буду просить тебя быть со мною, какъ чужой.

Я посмотрѣлъ на Тархова: онъ весь внутренно трепеталъ, какъ натянутая струна, онъ весь звенѣлъ, онъ едва сдерживалъ

порывы поднимавшейся молодой крови, сильное, радостное счастье ворвалось ему въ душу и завладѣло имъ—и онъ имъ завладѣлъ.

— Это твое неизмѣнное рѣшеніе? произнесъ я печально.

— Да, братъ Петя, неизмѣнное.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается сказать тебѣ: прощай!

Тарховъ слегка прищурился... Ужъ очень ему было хорошо.

— Прощай, братъ Петя, проговорилъ онъ немножко въ носъ, съ откровенной улыбкой, весело сверкнувъ всѣми своими бѣлыми зубами.

Что мнѣ было дѣлать? Я оставилъ его съ его «счастьемъ».

Когда я захлопнулъ за собою дверь, другая дверь въ комнатѣ, я это слышалъ, хлопнула тоже.

Не легко мнѣ было на сердцѣ и на слѣдующій день, когда я поплелся къ своимъ злополучнымъ знакомцамъ. Я втайнѣ надѣялся—такова слабость человѣческая!—что не застану ихъ дома, и опять ошибся. Оба были дома. Перемѣна, происшедшая съ ними въ послѣдніе три дня, поразила бы всякаго. Пунинъ весь побѣлѣлъ и отёкъ. Куда дѣвалась его болтливость? Онъ говорилъ вяло, слабо, все тѣмъ же сиплымъ голосомъ, и видъ имѣлъ изумленный и потерянный. Бабуринъ, напротивъ, скорчился и почернѣлъ; несловоохотливый и въ прежнее время, онъ теперь едва произносилъ отрывистые звуки; выраженіе окаменѣлой строгости такъ и замерло на его чертахъ.

Я чувствовалъ, что молчать было невозможно, но что было сказать? Я ограничился тѣмъ, что шепнулъ Пунину: ничего я не узналъ, и мой совѣтъ вамъ: бросьте всякую надежду. Пунинъ взглянулъ на меня своими опухшими красными глазёнками—только и осталось у него краснаго на всемъ лицѣ,—пробормоталъ что-то невнятное и отковылялъ въ сторону. Бабуринъ, вѣроятно, догадался, о чемъ шла рѣчь у насъ съ Пунинымъ, и, раскрывъ свои стиснутыя, словно склеенныя губы, произнесъ неспѣшнымъ голосомъ:—«Милостивый государь! со времени вашего послѣдняго посѣщенія у насъ случилась непріятность: воспитанница наша, Муза Павловна Виноградова, не находя болѣе удобнымъ жить съ нами, рѣшилась насъ покинуть, о чемъ оставила намъ письменное заявленіе. Не почитая себя въ правѣ ей препятствовать, мы предоставили ей поступать по ея благоусмотрѣнію. Желаемъ, чтобы ей было хорошо,—прибавилъ онъ не безъ усилія,—а васъ покорнѣйше просимъ объ этомъ предметѣ не упоминать, такъ какъ подобныя рѣчи безполезны и даже огорчительны».

«Вотъ и этотъ, какъ и Тарховъ, запрещаетъ мнѣ говорить о Музѣ», подумалось мнѣ, и не могъ я внутренно не подивиться, какъ это ни единаго упрека, ни единаго горькаго слова не сорвалось съ устъ Бабурина! Не даромъ же онъ такъ высоко цѣнилъ Зенона. Я хотѣлъ-было сообщить ему нѣчто объ этомъ мудрецѣ, но языкъ у меня не повернулся, и хорошо сдѣлалъ.

Я скоро ушелъ во-свояси. Разставаясь со мною, ни Пунинъ, ни Бабуринъ не сказали мнѣ: до свиданья!—оба въ одинъ голосъ промолвили: прощайте-съ! Пунинъ даже возвратилъ мнѣ книжку «Телеграфа», которую я принесъ ему: теперь-молъ мнѣ этого больше уже не надо.

Недѣлю спустя со мной произошла странная встрѣча. Весна наступила ранняя, крутая; въ полдень жара доходила до восемнадцати градусовъ. Все зеленѣло и лѣзло изъ разрыхленной, сырой земли. Я нанялъ въ манежѣ верхового коня и отправился за городъ, на Воробьевы-горы. На дорогѣ мнѣ попалась тележка, запряженная парой лихихъ, до самыхъ ушей забрызганныхъ вятокъ, съ заплетенными хвостами, съ красными лентами въ чолкахъ и гривахъ. Сбруя на лошадяхъ была охотницкая, съ мѣдными бляхами и кистями, — и правилъ ими молодой щегольямщикъ въ синей поддёвкѣ безъ рукавовъ и желтой канаусовой рубахѣ, въ низкой поярковой шляпѣ съ павлинымъ пером вокругъ тульи. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка мѣщанскаго или купеческаго званія, въ пестрой парчевой кацавейкѣ, съ большимъ голубымъ платкомъ на головѣ—и такъ и заливалась смѣхомъ. Ямщикъ ухмылялся тоже. Я поворотилъ своего коня въ сторону, а впрочемъ не обратилъ особаго вниманія на быстро-мелькнувшую веселую чету,—какъ вдругъ парень гикнулъ на лошадей... Да это голосъ Тархова! Я оглянулся... Точно: онъ; несомнѣнно онъ, наряженный ямщикомъ, а возлѣ него—ужъ не Муза-ли?

Но въ это мгновенье вятки подхватили, и только я ихъ и видѣлъ. Я было пустилъ моего коня въ галопъ вслѣдъ за ними, но это былъ старый манежный драбантъ, съ такъ-называемымъ генеральскимъ аллюромъ въ раскачку: галопомъ онъ шелъ еще типе, чѣмъ рысью.

— Гуляйте, любезные! проворчалъ я сквозь зубы.—Должно замѣтить, что Тархова я не видѣлъ въ теченьи всей недѣли, хотя раза три заходилъ къ нему. Его никогда не было дома. Бабурина и Пунина я тоже не видѣлъ... Я ихъ не посѣщалъ.

Я простудился на моей прогулкѣ: хотя и было очень жарко, но вѣтеръ дулъ пронзительный. Я опасно заболѣлъ — и когда я

выздоровѣлъ, мы съ бабушкой отправились въ деревню—«на подножный кормъ»—по совѣту доктора. Въ Москву я уже больше не попалъ; къ осени я перешелъ въ Петербургскій университетъ.

III.

[1849]

Прошло уже не семь, а цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, и мнѣ стукнулъ тридцать-второй годъ. Бабушка давно скончалась; я жилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Тархова я потерялъ изъ виду: поступилъ онъ въ военную службу и находился почти постоянно въ провинціи. Мы съ нимъ встрѣтились раза два по-пріятельски, радушно; но разговоры наши не касались прошедшаго. Въ эпоху второй нашей встрѣчи, онъ, сколько мнѣ помнится, былъ уже женатъ. Однажды, въ знойный лѣтній день, я, проклиная и служебныя обязанности, удерживавшія меня въ Петербургѣ, и городскую духоту, вонь и пыль, пробирался по Гороховой улицѣ. Погребальная процессія перебила мнѣ дорогу. Вся она состояла изъ единственной колесницы, т.-е. собственно говоря, изъ дряхлыхъ дрогъ, на которыхъ, грубо подбрасываемый толчками ухабистой мостовой, колыхался убогій деревянный гробъ, до половины прикрытый потертымъ чернымъ сукномъ. Старый человѣкъ, съ бѣлой головою выступалъ одинъ за дрогами.

Я вглядѣлся въ него... Лицо знакомое... Онъ тоже повелъ на меня глазами... Боже мой! да это Бабуринъ!

Я снялъ шляпу, подошелъ къ нему, назвалъ себя—и отправился съ нимъ рядомъ.

— Кого вы хороните? спросилъ я.

— Никандра Вавилыча Пунина, отвѣчалъ онъ.

Я предчувствовалъ, я заранѣе зналъ, что онъ назоветъ это имя, и сердце все-таки дрогнуло во мнѣ. Грустно стало мнѣ, и радъ я былъ, что случай доставилъ мнѣ возможность отдать послѣдній долгъ моему наставнику...

— Могу я идти съ вами, Парамонъ Семенычъ.

— Можете... Я одинъ провожалъ его; теперь насъ будетъ двое.

Больше часа продолжалось наше шествіе. Спутникъ мой подвигался, не поднимая глазъ, не разжимая губъ. Онъ окончательно состарѣлся съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній

разъ; изрытое морщинами, мѣднаго цвѣта лицо, рѣзко отдѣлялось отъ бѣлыхъ волосъ. Слѣды трудовой, терпкой жизни, постоянной борьбы, сказывались во всемъ существѣ Бабурина: обглодала его нужда да бѣдность. Когда все покончилось, когда то́, что́ было Пунинымъ, на вѣки скрылось въ сырой... ужъ точно сырой землѣ Смоленскаго кладбища, Бабуринъ, постоявъ минуты двѣ съ потупленной, непокрытой головою передъ ново-выросшимъ холмикомъ песчаной глины, обратилъ ко мнѣ свое изможденное, какъ-бы ожесточенное лицо, свои сухіе, впалые глаза, угрюмо поблагодарилъ меня и хотѣлъ-было удалиться; но я удержалъ его.

— Гдѣ вы живете, Парамонъ Семенычъ? Позвольте васъ навѣстить. Я не зналъ вовсе, что вы живете въ Петербургѣ. Мы бы старое вспомнили, побесѣдовали бы о покойномъ нашемъ другѣ.

Бабуринъ не тотчасъ отвѣтилъ мнѣ.

— Я третій годъ какъ въ Петербургѣ обрѣтаюсь, промолвилъ онъ наконецъ; — квартирую я на самомъ концѣ города. Впрочемъ, если вы точно желаете меня посѣтить, приходите.—Онъ далъ мнѣ свой адрессъ.—Приходите вечеромъ; вечеромъ мы всегда дома... мы оба.

— Вы... оба?

— Я женатъ. Моя жена сегодня не совсѣмъ здорова; оттого она не провожала покойника. А впрочемъ, достаточно и одному человѣку исполнить эту пустую формальность, этотъ обрядъ. Кто же во все это вѣритъ?

Я нѣсколько удивился послѣднимъ словамъ Бабурина, однако ничего не сказалъ, взялъ извощика и предложилъ Бабурину довезти его до дому: но онъ отказался.

Въ тотъ же день вечеромъ я отправился къ нему. Доро́гой я все думалъ о Пунинѣ. Мнѣ вспомнилось, какъ я въ первый разъ съ нимъ встрѣтился, и какой онъ былъ тогда восторженный и забавный; потомъ въ Москвѣ, какъ онъ присмирѣлъ—особенно въ послѣднее наше свиданіе; а вотъ и совсѣмъ конченъ разсчетъ съ жизнію: не шутитъ, видно, она! Квартировалъ Бабуринъ на Выборгской сторонѣ, въ домикѣ, напоминавшемъ мнѣ его московское гнѣздышко: петербургское чуть ли не было еще бѣднѣе. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ сидѣлъ въ углу на стулѣ, уронивъ обѣ руки на колѣни; нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала его повислую бѣлую голову. Онъ услышалъ

шумъ моихъ шаговъ, встрепенулся и привѣтствовалъ меня радушнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Спустя нѣсколько мгновеній появилась его жена: я въ ней тотчасъ узналъ Музу—и тутъ только понялъ, зачѣмъ Бабуринъ меня пригласилъ къ себѣ: онъ хотѣлъ показать мнѣ, что онъ все-таки добился своего.

Перемѣнилась Муза много — въ лицѣ, въ голосѣ и въ движеньяхъ; но больше всего перемѣнились ея глаза. Бывало, они бѣгали, какъ живчики, эти злые, эти красивые глаза; они блистали украдкой, но ярко; взоръ ихъ кололъ, какъ булавка... Теперь они глядѣли прямо, спокойно, пристально; черныя зеницы потускнѣли. «Я надломана, я смирна, я добра» — казалось, говорилъ ея тихій и тупой взоръ. То же самое говорила ея постоянная, покорная улыбка. И платье на ней было смиренное: коричневое съ маленькими горошинами. Она первая подошла ко мнѣ, спросила, узнаю ли я ее? Она, очевидно, не конфузилась, и не потому, чтобы она потеряла стыдъ или память, а просто потому, что суета отъ нея отошла. Муза много говорила о покойномъ Пунинѣ, говорила ровнымъ, тоже похолодѣвшимъ голосомъ. Я узналъ, что онъ, въ послѣдніе годы, совсѣмъ сталъ хилый, почти въ дѣтство впалъ, такъ что даже скучалъ безъ игрушекъ; правда, его увѣряли, что онъ шьетъ ихъ изъ тряпокъ для продажи... онъ самъ забавлялся ими. Страсть его къ стихамъ, однако, не угасла, и память сохранилась на одни только стихи: за нѣсколько дней до смерти онъ еще декламировалъ изъ «Россіады»; за то Пушкина боялся, какъ дѣти боятся буки. Привязанность его къ Бабурину также не уменьшилась: онъ по прежнему благоговѣлъ передъ нимъ, и уже охваченный мракомъ и холодомъ кончины, еще лепеталъ коснѣющимъ языкомъ: «благодѣтель!» Я узналъ также отъ Музы, что вскорѣ послѣ московскаго происшествія, Бабурину опять пришлось поколесить по Россіи, перекочёвывая съ одной частной должности на другую; что и въ Петербургъ онъ прибылъ опять-таки на частную службу, которую, впрочемъ, принужденъ былъ оставить на-дняхъ по непріятности съ хозяиномъ: Бабуринъ вздумалъ заступиться за рабочихъ... Постоянная улыбка Музы, сопровождавшая ея рѣчи, наводила меня на размышленія печальныя; она довершала впечатлѣніе, возбужденное во мнѣ наружностью ея мужа. Трудно доставался имъ обоимъ насущный хлѣбъ— въ этомъ не было сомнѣнія. Самъ онъ мало вмѣшивался въ нашу бесѣду: онъ казался еще болѣе озабоченнымъ, чѣмъ огорченнымъ... Что-то грызло его.

— Парамонъ Семенычъ, пожалуйте, проговорила кухарка, внезапно появившись на порогѣ двери.

— Что такое? Что нужно? тревожно спросилъ онъ.

— Пожалуйте, значительно и настойчиво повторила кухарка. Бабуринъ застегнулся и вышелъ.

Когда мы остались одни съ Музой, она посмотрѣла на меня нѣсколько измѣненнымъ взоромъ, и промолвила голосомъ тоже измѣненнымъ и уже безъ улыбки:—Не знаю, Петръ Петровичъ, что вы теперь обо мнѣ думаете, но полагаю, что вы помните, какая я была... Самоувѣренная была я, веселая... и недобрая; хотѣла въ свое удовольствіе пожить. А я вамъ вотъ что скажу теперь: когда меня бросили и я была, какъ потерянная, и только ждала, что либо Богъ меня приберетъ, либо у самой хватитъ духа съ собой покончить — я опять, какъ въ Воронежѣ, встрѣтилась съ Парамономъ Семенычемъ—и онъ опять спасъ меня... Слова обиднаго я отъ него не услышала, ни одного упрека не услышала, ничего онъ отъ меня не потребовалъ—не стоила я того; но онъ меня любилъ... и я стала его женой. Вотъ и все.

Она умолкла, отвернулась на мгновеніе... прежняя покорная улыбка опять появилась на ея губахъ. «Легко ли мнѣ жить, не спрашивай».—почудилось мнѣ теперь въ этой улыбкѣ.

Разговоръ перешелъ къ предметамъ обыкновеннымъ. Муза разсказала мнѣ, что послѣ Пунина осталась кошка, которую онъ очень любилъ, но что она съ самой его смерти ушла на чердакъ и тамъ сидитъ и все мяучитъ, точно зоветъ кого-то... сосѣди очень пугаются и воображаютъ, что это душа Пунина перешла въ кошку.

— Парамонъ Семенычъ чѣмъ-то встревоженъ, проговорилъ я наконецъ.

— А вы это замѣтили? Муза вздохнула. Ему нельзя не тревожиться. Вамъ нечего сказывать, что Парамонъ Семенычъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ... Нынѣшній порядокъ вещей могъ только укрѣпить ихъ. (Муза выражалась совсѣмъ иначе, чѣмъ, бывало, въ Москвѣ: языкъ ея принялъ литературный, начитанный оттѣнокъ.) Впрочемъ я не знаю, могу ли я вамъ довѣриться и какъ вы примете...

— Почему же вы полагаете, что мнѣ довѣриться нельзя?

— Да вѣдь вы состоите на службѣ, вы чиновникъ.

— Ну такъ что-жъ?

— Вы, слѣдовательно, преданы правительству.

Я внутренно подивился... молодости Музы. — О моихъ отношеніяхъ къ правительству, которое и существованія моего не

подозрѣваетъ, я распространяться не буду, промолвилъ я; но вы можете быть спокойны. Вашего довѣрія я во зло не употреблю. Убѣжденіямъ вашего супруга я сочувствую... больше, чѣмъ вы полагаете.

Муза покачала головою.

— Да; это все такъ, начала она не безъ запинки; но вѣдь вотъ что. Убѣжденіямъ Парамона Семеныча, быть можетъ, скоро придется выказаться на дѣлѣ. Они не могутъ дольше оставаться подъ спудомъ. Есть товарищи, отъ которыхъ теперь невозможно отстать...

Муза внезапно умолкла, словно языкъ себѣ прикусила. Ея послѣднія слова меня изумили и немножко испугали. Вѣроятно лицо мое выразило то, что́ я почувствовалъ—и Муза это замѣтила.

Я уже сказалъ, что свиданіе наше происходило въ 1849 году. Многимъ еще памятно, какое это было смутное и тяжелое время, и какими событіями ознаменовалось оно въ С.-Петербургѣ. Меня самого поразили нѣкоторыя странности въ обращеніи Бабурина, во всей его повадкѣ. Раза два онъ съ такой рѣзкой горечью и ненавистью, съ такимъ отвращеніемъ отозвался о правительственныхъ распоряженіяхъ, о высокопоставленныхъ лицахъ, что я почувствовалъ недоумѣніе...

— А что? спросилъ онъ меня вдругъ — освободили вы своихъ крестьянъ?

Я принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ.

— А вѣдь, чай, бабка-то умерла?

И въ этомъ я долженъ былъ сознаться.

— То-то, вы, господа дворяне, проворчалъ сквозь зубы Бабуринъ...

Въ его комнатѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ висѣла извѣстная литографія, изображавшая Бѣлинскаго; на столѣ лежалъ томикъ старинной, бестужевской «Полярной Звѣзды».

Бабуринъ долго не возвращался послѣ того, какъ кухарка его вызвала. Муза нѣсколько разъ съ безпокойствомъ глянула на дверь, въ которую онъ вышелъ. Наконецъ она не вытерпѣла, встала, извинилась и тоже вышла въ ту же дверь. Черезъ четверть часа они возвратились; лица обоихъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ показалось, выражали смущеніе. Муза даже поблѣднѣла. Не желая стѣснять ихъ, я рѣшился уйти и уже прощался съ ними, какъ вдругъ та же дверь въ сосѣднюю комнату отворилась и показалась голова... Но не голова кухарки, а всклокоченная, перепуганная голова молодого человѣка.

— Бѣда, Бабуринъ, бѣда! пролепеталъ онъ торопливо, но тотчасъ же скрылся при видѣ незнакомой моей фигуры.

Бабуринъ бросился вонъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ. Я крѣпко пожалъ руку Музѣ—и удалился, съ дурными предчувствіями на сердцѣ.

— Приходите завтра, шепнула она тревожно.

— Приду непремѣнно, отвѣтилъ я.

Я на другой день еще лежалъ въ постели, когда мой человѣкъ подалъ мнѣ письмо отъ Музы.

«Милостивый государь, Петръ Петровичъ! писала она; Парамона Семеныча сегодня ночью арестовали жандармы—и увезли въ крѣпость или не знаю куда: они не сказали. Всѣ наши бумаги перерыли, многое запечатали, съ собою взяли. Также книги и письма. Говорятъ, въ городѣ пропасть народа арестовано. Вы можете себѣ представить, что́ я чувствую. Хорошо, что Никандръ Вавилычъ до этого не дожилъ! Во́-время онъ убрался. Посовѣтуйте, что́ мнѣ сдѣлать. За себя я не боюсь—съ голоду я не умру—но мысль о Парамонѣ Семенычѣ не даетъ мнѣ покоя. Приходите пожалуйста, если только вы не боитесь посѣщать людей въ нашемъ положеніи.

Готовая ко услугамъ Муза Бабурина.»

Черезъ полъ-часа я былъ у Музы. Увидавъ меня, она протянула мнѣ руку и, хотя не сказала ни слова, но выраженіе благодарности мелькнуло на ея лицѣ. На ней было вчерашнее платье: по всему было замѣтно, что она не ложилась и не спала всю ночь. Глаза у ней были красны — но отъ безсонницы, не отъ слёзъ. Она не плакала. Ей было не до того. Она хотѣла дѣйствовать, хотѣла бороться съ поразившимъ ее несчастьемъ: прежняя, энергическая, самовольная Муза воскресла въ ней. Даже негодовать ей было некогда, хотя негодованіе ее душило. Какъ помочь Бабурину, къ кому прибѣгнуть, чтобы облегчить его участь—ни о чемъ другомъ она не думала. Она хотѣла немедленно идти... просить... требовать... Но куда идти? Кого просить? Чего требовать? вотъ что́ она желала услышать отъ меня, вотъ о чемъ желала посовѣтоваться со мною.

Я началъ съ того, что посовѣтовалъ ей... терпѣнье. На первыхъ порахъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ только выжидать и, по мѣрѣ возможности, наводить справки. Предпри-

нять что-нибудь рѣшительное теперь, когда дѣло едва началось, едва загорѣлось,—было просто немыслимо, безразсудно. Надѣяться на успѣхъ было безразсудно, даже еслибы я обладалъ гораздо большей долей значенія и вліянія... но что́ могъ сдѣлать я, маленькій чиновникъ? У ней самой не было никакой протекціи...

Не легко было растолковать ей всё это... однако она наконецъ поняла мои доводы; поняла также, что не эгоистическое чувство руководило мною, когда я доказывалъ безполезность всякихъ попытокъ.

— Да скажите, Муза Павловна, началъ я, когда она наконецъ присѣла на стулъ—(до тѣхъ поръ она все стояла на ногахъ, какъ-бы готовясь тотчасъ пойти на помощь Бабурину),—какимъ образомъ Парамонъ Семенычъ—въ его годы—попался въ такой исторіи! Тутъ, я увѣренъ, одни молодые люди замѣшаны, въ родѣ того, который вчера вечеромъ приходилъ предупредить васъ...

— Эти молодые люди—наши друзья! воскликнула Муза, и глаза ея заблистали и забѣгали по старинному. Что́-то сильное, неудержимое, казалось, такъ и поднялось со дна ея души... а мнѣ вдругъ вспомнилось названіе «новаго типа», данное ей нѣкогда Тарховымъ.—Годы ничего не значатъ, когда дѣло идетъ о политическихъ убѣжденьяхъ!—Муза особенно наперла на эти два послѣднія слова. Можно было подумать, что, при всемъ ея горѣ, ей было не непріятно выказать себя передо мною въ этомъ новомъ, неожиданномъ свѣтѣ—въ свѣтѣ женщины образованной и созрѣлой, достойной супруги республиканца!—Иные старики моложе иныхъ молодыхъ, продолжала она,—способнѣе на жертвы... Но не въ томъ вопросъ.

— Мнѣ кажется, Муза Павловна, замѣтилъ я: вы нѣсколько преувеличиваете. Зная характеръ Парамона Семеныча, я былъ заранѣе увѣренъ, что онъ будетъ сочувствовать всякимъ... честнымъ порывамъ; но съ другой стороны я всегда считалъ его за человѣка благоразумнаго... Неужели онъ не понимаетъ всю невозможность, всю нелѣпость заговоровъ у насъ, въ Россіи! Въ его положеніи, въ его званіи...

— Конечно, съ горечью въ голосѣ, перебила Муза: онъ мѣщанинъ; а въ Россіи вступать въ заговоры позволительно только дворянамъ, какъ, напримѣръ, четырнадцатаго декабря... вѣдь вотъ что́ вы хотѣли сказать.

«Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы жалуетесь?» чуть не сорвалось у меня съ языка... однако я удержался.—Полагаете ли вы, что результатъ четырнадцатаго декабря такого свойства, что долженъ поощрять другихъ? произнесъ я громко.

Муза нахмурилась.—«Съ тобою нечего толковать объ этомъ», прочелъ я на ея потупленномъ лицѣ.

— Парамонъ Семенычъ очень скомпрометтированъ? рѣшился спросить я наконецъ. Муза ничего не отвѣчала... Голодное, дикое мяуканье раздалось съ чердака.

Муза вздрогнула.—Ахъ, хорошо, что Никандръ Вавилычъ всего этого не видѣлъ! почти съ отчаяніемъ простонала она.—Не видѣлъ онъ, какъ ночью, насильно схватили его благодѣтеля, нашего благодѣтеля, быть можетъ лучшаго и честнѣйшаго человѣка въ цѣломъ свѣтѣ,—не видѣлъ онъ, какъ обращались съ почтеннымъ старикомъ, какъ говорили ему: ты, какъ грозили ему—и чѣмъ ему грозили!.. потому только, что онъ мѣщанинъ! Этотъ офицеръ молодой тоже должно быть изъ числа такихъ безсовѣстныхъ бездушниковъ, какихъ и мнѣ въ моей жизни....

Голосъ Музы порвался. Она вся дрожала какъ листъ.

Долго сдержанное негодованіе прорвалось наконецъ; потрясенныя, вызванныя наружу общей душевной тревогой, всколыхнулись старыя воспоминанія... Но собственно *я* убѣдился въ это мгновенье, что «новый типъ» остался тѣмъ же, той же страстной, увлекающейся натурой... Только увлекалась Муза уже не тѣмъ, чѣмъ, бывало, въ молодые годы. То, что̀ въ первое мое посѣщеніе я принялъ за резиньяцію, за усмирённость, и что̀ дѣйствительно было тѣмъ—этотъ тихій, тупой взоръ, этотъ холодный голосъ, эта ровность и простота—все это имѣло смыслъ лишь въ отношеніи къ прошедшему, невозвратному...

Теперь настоящее заговорило.

Я постарался успокоить Музу, постарался перевести нашу бесѣду на болѣе практическую почву. Надо было принять нѣкоторыя неотложныя мѣры: узнать, гдѣ собственно находился Бабуринъ; а потомъ достать и ему, и Музѣ средства къ существованію. Все это представляло затрудненія немалыя; приходилось отыскивать не прямо деньги, а работу, что̀, какъ извѣстно, гораздо болѣе сложная задача...

Я ушелъ отъ Музы съ цѣлымъ роемъ соображеній въ головѣ.

Я скоро узналъ, что Бабуринъ сидитъ въ крѣпости...

Дѣло началось... затянулось. Я каждую недѣлю по нѣскольку разъ видался съ Музой. Она тоже имѣла нѣсколько свиданій съ мужемъ. Но въ самый моментъ разрѣшенія всей этой печальной исторіи меня въ Петербургѣ не было. Непредвидѣнныя дѣла заставили меня съѣздить на югъ Россіи. Во время моей отлучки я узналъ, что Бабурина по суду оправдали; но административнымъ

порядкомъ сослали его на жительство въ одну изъ западныхъ губерній Сибири. Муза уѣхала съ нимъ.

«...Парамонъ Семенычъ этого не желалъ, писала она мнѣ; потому, по его понятіямъ, никто не въ правѣ жертвовать собою для другого человѣка — не для дѣла; но я ему отвѣтила, что тутъ никакой жертвы нѣтъ. Когда я сказала ему въ Москвѣ, что буду его женою, то я подумала про себя: на вѣки и нерушимо! Такъ нерушимо должно оно стоять до конца дней...»

IV.

[1861]

Еще двѣнадцать лѣтъ прошло... Всѣ въ Россіи знаютъ и вѣчно помнить будутъ, что́ совершилось между 49-мъ и 61-мъ годомъ. И въ моей личной жизни произошло много перемѣнъ, о которыхъ, впрочемъ, распространяться нечего. Появились въ ней новые интересы, новыя заботы... Чета Бабуриныхъ сперва отступила на второй планъ, потомъ совсѣмъ стушевалась. Я, однако, продолжалъ переписываться съ Музой — очень, правда, изрѣдка; иногда протекало болѣе года безо всякихъ извѣстій о ней и объ ея мужѣ. Я узналъ, что вскорѣ послѣ 55-го года ему было дозволено возвратиться въ Россію; но что онъ самъ пожелалъ остаться въ томъ небольшомъ сибирскомъ городкѣ, куда забросила его судьба и гдѣ онъ, повидимому, свилъ себѣ гнѣздо, нашелъ пріютъ, кругъ дѣятельности...

И вотъ въ концѣ марта мѣсяца 1861 года получаю я слѣдующее письмо отъ Музы:

«Я такъ давно къ вамъ не писала, почтеннѣйшій П. П., что даже не знаю, живы ли вы; а если и живы, то не забыли ли о нашемъ существованіи? Но все равно; не могу я не писать вамъ сегодня. У насъ доселѣ все шло по старинному; мы съ Парамономъ Семенычемъ занимались нашими школами, которыя подвигаются помаленьку; сверхъ того Парамонъ Семенычъ занимался чтеніемъ и перепиской, да обычными своими преніями съ старовѣрцами, духовными лицами и ссыльными поляками; здоровье его было порядочно... Мое тоже. Но вотъ вчера къ намъ пришелъ манифестъ 19-го февраля! Давно мы его ждали, давно ходили слухи о томъ, что́ дѣлается у васъ въ Петербургѣ... но все же, не могу я вамъ описать, что́ это было! Вы знаете хорошо моего мужа; несчастье нисколько его не измѣнило, а на-

противъ, онъ сталъ еще крѣпче и энергичнѣе. (Не могу скрыть, что Муза написала: епѣргичнѣе.) Сила воли въ немъ желѣзная, но тутъ онъ не выдержалъ! Руки тряслись у него, когда онъ читалъ; потомъ онъ обнялъ меня три раза и три раза со мной облобызался, хотѣлъ что-то сказать,—но нѣтъ! не могъ, и кончилъ тѣмъ, что прослезился, что̀ очень было удивительно видѣть, и вдругъ закричалъ: «Ура! ура! Боже, царя храни!» — Да, Петръ Петровичъ, эти самыя слова! Потомъ онъ прибавилъ: «Нынѣ отпущаеши»... и еще: «это первый шагъ, за нимъ должны послѣдовать другіе»; и, какъ былъ, безъ шапки побѣжалъ сообщить великую эту новость нашимъ пріятелямъ. Морозъ стоялъ сильный и даже пурга зачиналась, я его удерживала, но онъ не послушался. А когда пришелъ домой, весь былъ запорошенъ снѣгомъ, волосы, лицо и борода—у него теперь борода по самую грудь—и даже слезы на щекахъ застыли! Но очень онъ былъ живъ и веселъ, и велѣлъ мнѣ бутылку цымлянскаго раскупорить и вмѣстѣ съ нашими пріятелями, которыхъ онъ съ собой привелъ, пилъ за здоровье царя и Россіи и всѣхъ русскихъ свободныхъ людей; и, взявъ бокалъ и опустивъ взоръ на землю, сказалъ: «Никандръ, Никандръ, слышишь ли? Нѣтъ на Руси болѣе рабовъ! Радуйся и въ гробу, старый товарищъ!» И многое еще такое говорилъ, что «сбылись-молъ мои ожиданія!» Всего я не запомню, но давно я его такимъ счастливымъ не видала. И вотъ я рѣшилась вамъ написать, чтобы и вы узнали, какъ мы радовались и ликовали въ отдаленныхъ сибирскихъ пустыняхъ, чтобы и вы порадовались вмѣстѣ съ нами...»

Это письмо я получилъ въ концѣ марта; а въ началѣ мая пришло другое, весьма коротенькое письмо отъ той же Музы.— Она извѣщала меня, что ея мужъ, Парамонъ Семенычъ Бабуринъ, получивъ простуду въ самый день прибытія манифеста, скончался 12-го апрѣля отъ воспаленія въ легкихъ, 67 лѣтъ отъ роду. Она прибавила, что намѣрена остаться тамъ, гдѣ покоится его тѣло и продолжать завѣщанную имъ работу, потому что такова̀ была послѣдняя воля Парамона Семеныча,—а у ней другого закона нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не слыхалъ о Музѣ.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 1874 г.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

Опытъ біографіи.

II *).

Университетская жизнь.

Вступивши въ университетъ, Бѣлинскій вскорѣ затѣмъ подалъ просьбу о принятіи его на казенное содержаніе. Разрѣшеніе на просьбу послѣдовало не раньше двухъ мѣсяцевъ. Въ этотъ промежутокъ времени Бѣлинскій сильно бѣдствовалъ; деньги, данныя отцомъ, едва удовлетворяли необходимымъ потребностямъ: онъ нанималъ бѣдную квартирку, сначала одинъ, потомъ съ двумя товарищами-студентами. При всемъ томъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи быть въ театрѣ, который скоро сдѣлался такой его страстью; въ одномъ изъ писемъ домой онъ съ восторгомъ говорилъ о Мочаловѣ и Щепкинѣ, которыхъ послѣ столь высоко цѣнилъ, какъ лучшіе таланты всей русской сцены.

Принятіе на казенное содержаніе очень обрадовало Бѣлинскаго; онъ видимо успѣлъ натерпѣться порядочной нужды. Въ письмахъ домой [1]) онъ подробно описываетъ тогдашній бытъ казенныхъ студентовъ, и былъ тогда имъ совершенно доволенъ. «*Нумера* (гдѣ жили казенные студенты, человѣкъ по 8—12 въ одной комнатѣ), можно сказать, *отлично хороши*... полы крашеные, окна большія, чистота и опрятность *необыкновенныя*... Столы (въ сто-

---

*) См. выше: мартъ, стр. 205.

[1]) „Моск. Вѣд.“ 1859, № 293.

LIBRARY OF CONGRESS
00023282677